

ЛЕСИЯ КОРНУОЛЛ

Долг или страсть

www.ada.com

Шарм

Лесия Корнуолл
Долг или страсть

«АСТ»

2013

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Корнуолл Л.

Долг или страсть / Л. Корнуолл — «АСТ», 2013 — (Шарм)

ISBN 978-5-17-092962-7

Алек Макнаб, граф Гленлорн, разрывается между долгом, обязывающим его спасти семью от разорения, женившись на дочери богатого аристократа, и тайной страстью к гувернантке Кэролайн. Взять возлюбленную в жены он не может, отпустить ее – не в силах. Страдает и Кэролайн, понимая, что брак с любимым невозможен. Несчастливы все – даже невеста Алека, которая не любит своего нареченного и согласилась выйти за него, лишь повинаясь воле отца. Неужели одна свадьба разобьет сразу три молодых сердца? Или любовь все же сотворит чудо?..

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-092962-7

© Корнуолл Л., 2013

© АСТ, 2013

Содержание

Пролог	6
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	38
Глава 10	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лесия Корнуолл
Долг или страсть
Роман

Lecia Cornwall

Once upon a Highland Summer

© Lecia Cotton Cornwall, 2013

© Перевод. Т. А. Перцева, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

– Ангус Макнаб!

Неужели ему не будет покоя даже в собственной могиле?!

При жизни он и без того испытал достаточно мук.

Ангус зажмурился и попытался игнорировать тихий голос, зовущий его, влекущий, тянувший обратно в этот мир. Владелица этого голоса знала, что она одна-единственная, кто способен на такое.

– Макнаб, я знаю, ты меня слышишь. Прекрати упрямяться и выходи! Мы не оказались бы здесь, не будь твоего дурацкого проклятия, так что ты должен помочь мне все исправить.

– Упрямяться! – прорычал Ангус, не в силах противиться вызову. – Тот самый случай, когда горшок над котлом...

Он осекся и воззрился на Джорджиану, мерцающую в воздухе перед ним. Моргнул, гадая, уж не видит ли призрак. Но тут же припомнил, что призрак – он сам.

Даже мертвая Джорджиана обладала даром поражать своей красотой и заставляя его задыхаться от восхищения – если у него еще осталась возможность задыхаться. Она склонила голову набок и улыбнулась ему. Как раз так, как делала это при жизни. Прошло почти шестьдесят лет с тех пор, как Ангус видел эту улыбку. Но не забыл. И теперь улыбка вливалась в него, как сама жизнь, наполняя страстью и болью.

Джорджиана Форестер, покойная графиня Сомертон, подняла брови, словно ожидая, что он закончит фразу. Но не дождалась. Как Ангус мог говорить, если ее взгляд скользил по пледу, в котором он был похоронен? Он выглядел лучше некуда, когда его опускали в могилу.

Ангус гордо расправил плечи и нахлобучил на лоб берет лэрда.

– На тебе красивое платье. По-прежнему смотришься девушкой.

Его девушкой.

Джорджиана пренебрежительным взглядом окинула серебряный атлас.

– Ненавижу это платье. В нем я выходила за Сомертона, и в него же меня обрядили, чтобы положить в гроб. Единственное, что в нем хорошего – оно по-прежнему прекрасно сидит! После стольких лет. Не знаю, как они его нашли. Я приказала горничной его сжечь.

Макнаб нахмурился, и орлиное перо на берете упало на глаз. Три пера – знак вождя клана. Лэрд. Господин над каждым камнем, островком травы и голодающим ребенком, насколько хватало глаз с ветшающей старой башни замка Гленлорн, где они сейчас стояли. Это было местом их свиданий, пока... Гнев, тлевший в нем с давних времен, разгорелся с новой силой.

– Сомертон! – выплюнул он имя, вложив в звук его всю ненависть, терзавшую душу шестьдесят лет. – Только жалкий дурак способен похоронить жену в подвенечном платье!

Подбородок Джорджианы надменно поднялся.

– Ты сказал, что оно тебе нравится. Кроме того, день моей свадьбы так же печален, как и день похорон. Думаю, это вполне подходящий выбор.

Макнаб вздохнул, и ветер тут же зашумел в деревьях за крошившимися стенами башни.

– Да, но мы здесь не для того, чтобы спорить о наших погребальных одеждах.

Он оглядел башню, крыша которой давно разрушилась. Покрытые мхом камни, обрамлявшие окна, позволяли увидеть залив, озеро и новый замок Гленлорн на противоположном конце долины. Новый замок, насчитывавший уже сто пятьдесят лет, выглядел почти таким же заброшенным, как башня, хотя последняя была старше на четыре века. Лэрд снова вздохнул.

Если он повернется и глянет на восток, сможет увидеть замок дяди Джорджианы, Лаллах-Грейндж. Но он не поворачивался. Ангус провел шестьдесят лет, высматривая в пустом

доме свечу на окне – сигнал, что она придет к нему сюда, в башню. Но свеча не загоралась с тех пор, как их семьи разлучили влюбленных навечно. Знакомая горечь потери снова наполнила Ангуса, и он повернулся, гневно взглянув на нее.

– Чего ты хочешь от меня, женщина? – проворчал он.

Но Джорджиана смотрела ласково, без тени робости.

– Ты проклял нас, Ангус.

– У меня была достаточно веская причина!

Она покачала головой, печально улыбаясь:

– Мы были влюблены, а нам запретили пожениться, но твое проклятие отозвалось на двух поколениях обеих семей. Этому надо положить конец. Я хочу, чтобы моя внучка познала то счастье, которое знали мы, Ангус.

– Было ли это счастьем? Воспоминание о нем сделало остаток наших жизней невыносимым. Во всяком случае, остаток моей. Я, конечно, не могу говорить за тебя.

Не было дня, чтобы он не думал о ней. Ее имя было последним словом, слетевшим с его губ.

Джорджиана посмотрела на свою руку. Здесь когда-то красовалось обручальное кольцо. Фамильное наследие теперь украшало палец нынешней графини. Но Джорджиане не доставало другого кольца. Кольца, которое дал ей Ангус в ту ночь, чтобы скрепить их любовь. Кольцо клятвы верности с маленьким рубином.

– Ни один из нас не нашел радости в наших браках. – Она обвела рукой башню. – Но я испытала истинное счастье в ту ночь в твоих объятиях.

Ангус видел место, о котором говорила Джорджиана, сквозь ее прозрачное тело. Уютный уголок, где они лежали вместе, завернутые в плед. Любили друг друга, шептались о будущем, клялись в верности.

У него заныли руки от безумного желания и невозможности коснуться ее. Могут ли они касаться друг друга? Он не знал. Но потянуться к ней и снова обнять воздух... эта мысль была невыносима...

– Ты пришла в скверное время, любимая, – выдавил он. И затрепетал, когда она нежно ему улыбнулась. – Мой сын только что умер, и клан остался без вождя. Моя невестка пытается продать землю анг...

– Без вождя? Но у тебя есть внук. Не так ли?

– Верно. Но Алек покинул Гленлорн много лет назад и поклялся, что никогда не вернется. Может, это и к лучшему.

– Ты сам в это не веришь.

– Но что у него осталось тут, дома? К чему возвращаться? – с горечью спросил он.

Джорджиана подплыла ближе и встала рядом.

– Но это его земля, Ангус. И еще есть любовь. Любовь, которая исцеляет все.

Ангус посмотрел на нее. Увидел надежду в глазах. Этот взгляд, эта надежда когда-то заставили его влюбиться в нее, поверить в невозможное.

Он снова отвел глаза, борясь с пробудившимся в груди чувством.

– Не воображаешь же ты, что я действительно верю в любовь?

Она протянула руку, положила ему на плечо. Он не ощутил прикосновения. Но там, где их тени соединились, вспыхнул свет, и тьма налилась ровным сиянием.

– Когда-то ты верил: дочь англичанина и шотландец – кто мог представить такое в столь жуткие времена? Это было почти невозможно.

– Это было просто невозможно.

Джорджиана рассмеялась. Звук эхом отразился от стен башни, заставив вспорхнуть птицу, улетевшую в ночь с испуганным криком. Джорджиана не обратила на это внимания:

– Невозможно для них. Но не для нас. Сомневаюсь, что мы снова встретились бы в этом месте, если бы наша любовь умерла.

Нет, его любовь к ней так и не умерла. Даже здесь, по другую сторону смерти. Он любил ее по-прежнему, но какой теперь в этом смысл? Или боль не покинет его и в вечности? Как не покидала всю жизнь.

– Что общего все это имеет с Алеком? – вырвалось у него. Может, это игра воображения, но неужели он чувствует запах ее духов?

– Мою внучку зовут Кэролайн.

Опять этот нежный, мягкий, любящий голос...

– Кэролайн? Хочешь выдать ее за моего внука? Но как ты можешь быть уверена, что они друг другу подойдут? Нынешнему графу Сомертону наверняка не понравится брак между его внучкой и нищим шотландским лэрдом!

– Предоставь его мне. Нужно только познакомить мою Кэролайн и твоего Алека, возможно, напомнить...

Она бросила многозначительный взгляд на место их тайных встреч.

– У нее есть деньги? – грубо спросил Ангус, пытаясь игнорировать нежные воспоминания. – Ему нужно жениться на девушке с чертовым состоянием, если он хочет спасти замок и земли.

Джорджиана небрежно отмахнулась:

– У Кэролайн вполне приличное приданое, но это почти не имеет значения. Они найдут выход, не из-за денег, конечно. Любовь, Ангус, любовь.

Звук этого слова закружился в воздухе и смягчил его сердце.

– Я не против попыток, возлюбленная, но мы не можем заставить их влюбиться или быть уверенными, что эта любовь продлится вечно.

Она сладостно улыбнулась, вздохнула, и белый вереск, росший под башней, шелхнулся.

– Уже почти лето, Ангус. Вспомни, как легко нам было влюбиться летом! Все, что требуется, – привести их сюда. Дальше все пойдет само собой.

Ангус нахмурился, все еще полный сомнения в том, что все связанное с любовью или свадьбой может быть так просто...

Над их убежищем темные зловещие тучи закрыли луну. Гром пробормотал мрачное предупреждение.

На мирную долину Гленлорн вот-вот обрушится буря.

Глава 1

– Я хочу выслушать твое решение сейчас, если тебе будет угодно.

Леди Кэролайн Форестер рассматривала ковер в кабинете единокровного брата. Как все в его лондонском особняке, ковер был дорогим, элегантным и выбранным исключительно с целью показать богатство графа Сомертона. Она упорно смотрела на голубые завитки и арабески, вплетенные в узор ковра, и гадала, из какой дальней страны он прибыл, словно сама была готова скорее поехать туда, чем сделать выбор, которого требовал Сомертон.

– Ну же! – нетерпеливо бросил он. – У тебя есть два поклонника. Надо выбрать одного. Виконт Спид, с доходом две тысячи фунтов в год, когда-нибудь унаследует титул отца.

– В Ирландии, – прошептала Кэролайн себе под нос. У Спида была маслянистая, вечно влажная кожа, он картавил и ухаживал за ней только потому, что надеялся обогатиться, получив ее приданое. По крайней мере ненадолго, пока не потратит ее деньги. Как потратил свое состояние на любовниц, вист и лошадей.

– А лорд МанDEVИЛЛ владеет чудесным поместьем на границе с Уэльсом. Там живет его мать, и она будет прекрасной компанией для тебя.

МанDEVИЛЛ не проводил там и дня именно из-за своей матери. Кэролайн пробыла в Лондоне всего месяц, но слышала сплетни. Леди МанDEVИЛЛ расправлялась с высокородными компаньонками точно так же, как Шарлотта, жена Сомертона, с пирожными за чаем. Леди МанDEVИЛЛ славилась отвратительным характером, острым языком и любовью к собакам. Она выращивала дюжины, а может, и сотни твякающих несимпатичных маленьких тварей, которые вели себя точно так же, как хозяйка, если верить многочисленным историям. Леди, которой выпадет несчастье стать женой лорда МанDEVИЛЛА, будет компаньонкой све-крови, пока одна из них не умрет, без возможности уволиться с работы и занять более сносную должность.

– Так какого джентльмена ты выберешь себе в мужа? – продолжал допытываться Сомертон, меряя шагами комнату: плечи расправлены, руки сцеплены за спиной, лицо серьезное.

Кэролайн рассмеялась, когда он впервые сказал ей о предложении, сделанном сразу двумя поклонниками. Но оказалось, это не шутка. Брат действительно ожидал, что она выберет одного из двух мерзких претендентов, которых он предназначил для нее. Он надменно смотрел на сестру, вздернув свой орлиный нос – черта, унаследованная от их отца, вместе со светлыми глазами навывкате. Кэролайн была похожа на мать, вторую жену покойного графа, и, возможно, именно поэтому Сомертон видеть ее не мог. В молодости он яростно возражал против женитьбы отца, потому что невеста была чересчур молодой, чересчур красивой, да еще дочерью простого баронета, без состояния или влиятельных связей. Ему не нравились даже рыжие волосы графини.

Кэролайн подняла руку, чтобы заправить непокорный рыжеватый локон за ухо. У Спида были рыжие, вернее, оранжевые волосы и редкие розоватые ресницы.

Она подумала о своей кухне Лотти, которая наверху примеряла свадебное платье, споря с матерью о том, какого оттенка лента лучше подходит к цветам в букете. Она вышла за Уильяма Резерфорда, виконта Мирза, Уильяма, принадлежавшего Кэролайн, чело-века, которого она знала всю свою жизнь, старшего сына и наследника графа Холлиуэлла, соседа и ближайшего друга родителей. Всегда считалось, что она выйдет за одного из сыно-вей Холлиуэлла, но Синджон, младший сын графа, покинул дом, чтобы вступить в армию и пойти на войну, вместо того чтобы сделать предложение Кэролайн. А теперь Уильям, кото-рый, как считала Кэролайн, станет ее женихом, предпочел Лотти.

Кэролайн закрыла глаза. Все это похоже на некое проклятие. Впрочем, какая теперь разница? Уильям сделал свой выбор. Возможно, этот брак станет счастливым, и невесте пристало радоваться. Будущее должно нести любовь и счастье!

Но Кэролайн даже не нравились поклонники. Они ухаживали за ее приданым и ради связей с Сомертоном. Им нужны ее деньги. Не она сама.

– Неужели так трудно выбрать? Тебе уже двадцать два года. Время не ждет, – холодно заметил Сомертон. – Полагаю, хотя бы один из джентльменов достоин твоего внимания? Находишь ли ты, что Спид красивее, или, возможно, тебе приятнее беседовать с Мандевиллом?

«Нет и нет!»

Она подняла глаза на единокровного брата, человека, на двадцать четыре года старше ее самой, одного из самых влиятельных аристократов в королевстве. И уже была готова молить его, но тут же увидела, что это бесполезно. Он женился на дочери такого же влиятельного графа и, казалось, счастлив с женой, хотя Шарлотта была фурией, сплетницей и обжорой. Весила она восемнадцать стоунов и просто не расставалась с тарелкой цукатов.

Спид был мужской версией Шарлотты. Мандевилл, как и Сомертон, был помешан на собственной значимости.

Нет, спорить не имеет смысла. Отказываться – тоже. Сомертон уже все решил. В отличие от Кэролайн. Ее единокровный брат – человек жесткий, не знающий, что такое сочувствие. Она для него – проблема, которую следует решить по возможности быстро и без лишнего шума. Кэролайн стала нежеланным бременем теперь, когда ее мать умерла. Она знала, что если откажется выходить замуж, он сам выберет ей жениха, и невозможно сказать, какой из двух хуже.

Кэролайн переминалась с ноги на ногу, отчего он перестал ходить по комнате и воззрился на нее, как на добычу.

– Кэролайн? – подтолкнул он.

Завитки на ковре угрожали подняться и задушить ее, хотя беды уже сами прекрасно справлялись с этим.

Она вымученно улыбнулась:

– Я обещала Лотти, что помогу выбрать платье для свадебного путешествия. К свадьбе нужно столько успеть, что у меня не было ни секунды подумать о собственном замужестве, – сказала она по возможности беспечно, нервно поворачивая на пальце кольцо с рубином, наследие матери.

– Прошло уже два дня, – упрекнул Сомертон. – Сколько времени требуется, чтобы сделать такой простой выбор?

Кэролайн закрыла глаза. Разве это так просто? Она была сентиментальным ребенком и выросла настоящим романтиком, особенно если речь заходила о любви и замужестве. Она всегда считала, что когда-нибудь с первого взгляда узнает человека, женой которого захочет стать. Ощутит волну любви, что согреет ее с головы до ног, и услышит хор ангелов. Но при виде же Мандевилла и Спида она ощущает только ужас.

По коже поползли мурашки. А вороны прокаркали предупреждение.

«Беги!» – вихрем промелькнула в голове мысль.

Кэролайн встретила взгляд Сомертона, пытаюсь набраться мужества для отказа, но лед в его глазах сковывал ее. Воспитанная в послушании, она терпела, даже когда ярмо натирало шею.

– Завтра... я дам ответ завтра.

Он прищурился, словно подозревая неладное. Она растягивала губы в улыбке. Пока не стало больно.

– За завтраком. Понятно? – изрек он наконец.

– Абсолютно, – пробормотала она. – Можно идти?

Но брат уже отвернулся, словно был занят куда более важными делами, а она отнимает у него время. Но Кэролайн осмелилась уйти и без его дозволения.

Наверху визжала Шарлотта, ругая модистку, осыпая несчастную проклятиями, потому что кружево не идеально лежало на груди Лотти. Кэролайн было жаль портниху: ведь уже за полночь, а Шарлотта в третий раз изменяла фасон платья дочери. Кэролайн не сомневалась, что Шарлотта выдала бы свою золовку замуж в мешке из-под муки, лишь бы поскорее навсегда избавиться от нее: с глаз долой – из сердца вон...

Где-то хлопнула дверь, и по лестнице сбежала горничная, чуть не налетев на Кэролайн.

Бедняжка залилась краской и едва не упала, пытаясь одновременно присесть и мчаться дальше.

– Простите, миледи, наверху требуют еще пирожных с патокой.

С этими словами она, как испуганный кролик, метнулась по коридору к кухне.

Кэролайн положила руку на перила. Подняла ногу над первой ступенькой... и остановилась.

Наверху послышался шум очередной ссоры, и Лотти разразилась громкими рыданиями.

Кэролайн отступила. Ей следовало пойти и помочь, утешить кузину, или лечь в постель и думать о том, кого выбрать. Но какой в этом смысл? Она никогда не сможет заставить себя выбрать Спида или Мандевилла.

«Беги...»

Девушка повернулась, гадая, не послышался ли чей-то голос. Но рядом никого не было. Только плащ и шляпка модистки висели на кольшке у входной двери.

«Беги».

Кэролайн схватила плащ, накинула на плечо и нахлобучила шляпку на голову. Медный засов входной двери казался ледяным под ее ладонью. Сердце гулко колотилось. Сверху послышался очередной яростный визг. Она открыла дверь и вышла. Дверь захлопнулась, отсекая противные вопли. Кэролайн секунду постояла на ступеньке, оглядывая темную улицу. Гадая, куда идти. Еще один выбор – и он не может ждать до утра.

Набрав в грудь воздуха, она подняла капюшон плаща и повернула направо. Подальше от огней Сомертон-Хауса. Кэролайн стремилась поскорее уйти в тень. Завтра Сомертон поймет, каков ее выбор, когда утром спустится к завтраку.

Глава 2

Алек Макнаб поднял воротник пальто, чтобы скрыть лицо, отворил дверь в спальню графини Брей и проскользнул в темную комнату. Немного помедлил, сжимая дверную ручку, чтобы позволить глазам привыкнуть к мраку и посмотреть, не собирается ли леди вскочить и закричать. Затаил дыхание, прислушался к тиканью часов, громкому, как удары молота.

Лежавшая под одеялом гороподобная фигура не шевелилась, тихо похрапывая. Алек выдохнул и улыбнулся. Графиня, очевидно, утомилась, протанцевав полночи на балу леди Эесли.

Он оглядел комнату, пытаясь определить, с чего начать.

Хрупкость белоснежной мебели заставила его ощутить себя слишком высоким, слишком смуглым, слишком мужественным для такого места. Если она откроет глаза, наверняка решит, что шотландцы набрасываются на спящих женщин, грабят, насилюют, а потом убивают.

Алек насмешливым взглядом окинул кровать. Графиня Брей – последняя женщина на земле, которую он хотел бы изнасиловать. А вот грабеж – дело другое.

Он подошел к туалетному столику. Драгоценности, которые графиня надевала на бал, были небрежно разбросаны между флаконами духов и щетками. Но Алек проигнорировал их и открыл ящичек, отодвинув кружевные носовые платочки в поисках скрытой панели, которую, как подозревал, нужно искать в самой глубине. Какая леди, имеющая столько секретов, сколько графиня Брей, не обзаведется таким тайником? Она так самодовольна, что вряд ли ей в голову придет возможность ограбления. И что вор будет точно знать, где найти этот тайник. У каждой женщины есть тайники для любовных записочек, дневников, безделушек, которые дарят любовники, и каждая женщина уверена: никто никогда их не найдет.

Деревянная дощечка шевельнулась под его пальцами и подалась с легким щелчком. Леди Брей вздохнула, перевернулась на другой бок. Алек замер, ожидая, пока ее дыхание вновь станет ровным.

Он осторожно снял панель, положил на туалетный столик. Колье зловеще блеснуло и упало бы на пол, если бы он его не поймал. Камни согрелись в его руке, как кожа любовницы. Алек узнал большой камень: знаменитый рубин Бреев. Безупречный рубин сверкал каплей благородной крови, жемчуга сияли, алмазы кокетливо подмигивали. Колье стояло целого состояния: достаточно, чтобы купить книги и новые платья для сестер, а также забить кладовые на несколько недель вперед. Возможно, Алек сумел бы перестроить обветшавший фамильный замок. И заново обставить тоже.

Алек нахмурился и резко отодвинул кольцо, словно обжегшись. Он сделал свой выбор: Гленлорн его больше не волнует. Нужно выполнить работу.

Он сунул руку в тайник и схватил пачку писем, перевязанных лентой. И с улыбкой повертел в руках. Он хорош в подобного рода миссиях, и ему все стало слишком легко даваться.

Но тут Алек сбил локтем флакончик духов и с ужасом наблюдал, как тот покачнувшись и на какую-то долю секунды задержался, прежде чем упасть на пол и разбиться. Аромат роз наполнил воздух. Графиня села. Алек застыл во мраке, не выпуская писем, проклиная собственную неловкость и чересчур тесную для его роста комнату.

Сначала она даже не пыталась понять, что ее разбудило, и потянулась к пузырьку на прикроватном столике. Неуклюже открыла пробку, добавила несколько капель в воду, осушила стакан одним глотком и упала на подушки.

Алек учуял горьковатый запах. Опиум. Алек тихо перевел дух и провел дрожащей рукой по волосам. Оставалось ждать, пока наркотик подействует, и удрать, когда графиня снова заснет. Но она легла на спину так, что он оказался прямо перед ее глазами.

Сначала она просто удивленно охнула. Но Алек знал, что за этим последует вопль ужаса. Единственный выход – убираться отсюда ко всем чертям, и как можно скорее.

Он метнулся к двери и сумел бы скрыться, если бы не разбитое стекло и пролитые духи. Алек поскользнулся. Упал на четвереньки и уронил письма, разлетевшиеся по полу, как осенние листья.

Визг графини набирал силу. Алек тем временем пытался собрать конверты в темноте, ругаясь на гэльском, чувствуя, как духи впитываются в штаны, то и дело раниась об осколки стекла, впивавшиеся в его плоть, как острозубые сторожевые собаки.

К тому времени, как он вскочил, графиня уже сидела, глядя на него, широко раскрыв рот, прижимая к груди простыню, и орала так, что лопались барабанные перепонки. Алек и не представлял, что дама может визжать непрерывно, даже не переводя дыхания. Он распахнул дверь и бросился к окну в конце коридора – тому самому, через которое вошел. Теперь предстояло выйти!

За ним уже гнались. Оставалось надеяться, что преследователи сначала заглянут к графине, а это позволит ему выгадать драгоценные секунды.

Окно было совсем рядом. Алек сгорбился, приготовился и прыгнул. Ударился плечом о раму, вдохнул ночной воздух. Не обращая внимания на боль, скатился с крыши и тяжело упал на землю. В коленях и руках застряли осколки стекла, и Алек тихо застонал. Но вопли графини доносились даже сюда. Наверняка проснулась вся округа, не говоря уже о прислуге Бреев.

Из окна донесся еще один крик. Мужской голос. Баритон, в противоположность сопрано леди. Как в очень скверной комической опере.

– Держи вора!

Но Алек уже бежал по мокрым булыжникам, моля бога, чтобы не поскользнуться. Надеясь, что графиня Брей не слишком хорошо его разглядела.

Он не остановился, пока не убежал достаточно далеко, и уверился, что его не преследуют. Нырнул в самый темный переулок, который только мог найти, и распластался по стене. Сердце глухо колотилось о ребра, легкие горели. Оставалось только молиться, чтобы тот, кто сейчас прячется в этом переулке, не оказался еще хуже того, кто за ним гонится.

Никого. Только крысы. И бродят коты в поисках пропитания.

Алек встал под уличным фонарем, глянул на кровь, залившую пальцы, увидел сверканье стекла. Стал зубами вытаскивать осколки из порезов и выплевывать. Похлопал себя по карманам, чтобы убедиться, что письма на месте, лежат у часто бьющегося сердца, вынул фляжку с виски и выпил. Колени тоже были в крови.

Через полчаса Алек уже был в своем жилище. Всего дюжина улиц от роскошного мейфэрского дома – и неодолимая пропасть между классами. Он налил себе виски, опустошил карманы, уронив на стол смятые окровавленные письма. Хорошо хоть сердце немного успокоилось.

Алек спустил штаны и, морщась, стал вынимать осколки. Но тут же громко выругался. Обычно он не так неуклюж! Мало того, он лучшая ищейка короны, ему поручают самые важные, самые щекотливые миссии. Однако он знал, что всегда есть шанс быть пойманным. Достаточно одной маленькой ошибки. Например, сбитого на пол флакончика духов.

Он закрыл глаза и бросил последний пахнущий розой осколок в ночной горшок. Поднялся, плеснул в лицо холодной воды и уставился на свои запавшие глаза в маленьком овальном зеркальце. Алек выглядел именно так, как должен: отчаянное, жестокое создание ночи, темноволосый, сероглазый, мускулистый. Вор – бездомный, бессемейный, бесчестный.

Он отвернулся. Посмотрел на письма. Нужды волноваться нет. Даже если все пошло не по плану, он никого не подвел. Письма, как требовалось, он раздобыл. Правда, его едва не поймали, но все обошлось.

Вот они. Письма. Восемь любовных записочек, настолько важных для короны, чтобы просить человека рискнуть жизнью и конечностями... Интересно, что в них такого компрометирующего? Но не его дело задавать вопросы. От него ожидали кражи писем. Не их прочтения. Завтра Алек доставит их, куда следует, и опасность, которая в них таилась, в чем бы она ни заключалась, будет устранена.

Он посмотрел на часы. До рассвета еще далеко. Но Алек не хотел спать. Он никогда не спал после очередного похищения. Вот и сейчас: сидел, пил виски и жалел, что сидит сейчас не на Цейлоне, как считали его родственники. Он оставил Гленлорн восемь лет назад, хвастаясь всем, что намерен сколотить состояние в качестве плантатора. Но не уехал дальше Лондона и плантатором не стал. Он стал вором.

Алек снова взял письма и сложил их как мог аккуратнее. Хотя они были порядком потрепаны – его вина! По краям даже краснели пятнышки крови. Он отметил королевскую печать на конвертах, золотые обрезы дорогой писчей бумаги. Действительно важные письма. Ему сказали, что всего их восемь, коллекция нескромных романтических мыслей, доверенных на бумаге. Неопровержимое доказательство связи одного из членов королевского дома с леди Брей. Правда, все давно кончилось. Но содержание писем стало угрозой важной персоне, потенциальным источником позора или скандала в королевской семье, а возможно, даже шантажа. Именно поэтому Алек послали раздобыть письма, прежде чем будет причинен непоправимый вред.

Он сосчитал письма, прежде чем снова сложить их. В горле вдруг пересохло. Он пересчитал снова.

Глава 3

Кэролайн наткнулась на выросшую неизвестно откуда стену прямо посреди грязного тротуара и отскочила от твердой поверхности, словно ничего не весила. Если бы не руки, вцепившиеся в ее плащ, она бы опрокинулась на спину. Прямо в грязь.

Несколько секунд она беспомощно трепыхалась в железных объятиях темной, зловещей фигуры. Затем незнакомец потащил ее к ближайшему фонарю и угрожающе склонился над ней.

Горький вкус страха высушил ее горло, но она безнадежно пыталась оторвать от себя его затянутые в перчатки руки. Он видел ее, но свет был у него за спиной, поэтому ей он представлялся лишь тенью, огромной и устрашающей. Сердце Кэролайн тревожно заколотилось. Она почти пожалела, что не осталась дома, в безопасности.

«Почти».

Кэролайн старалась вырваться, бежать, но он держал ее легко, как ребенка, маленького и бессильного. Настоящий страх пронзил ее, и она ослабла. Неужели Сомертон видел, как она уходила из дома и послал его за ней? Если этот мужчина – лакей, то она его не знает. На нем нет ливреи Сомертонов. Он был одет во все черное с головы до ног и сливался с ночью.

От ужаса ее колени подогнулись, и она осела. Но он потянул Кэролайн вверх и поставил на ноги, по-прежнему не отпуская. Жесткий кулак собрал ее плащ под подбородком.

– Какого черта вы шляетесь по улицам в темноте? – рявкнул незнакомец. – Я мог перерезать вам горло, подумав, что передо мной карманник!

Истерический смех заклокотал у Кэролайн в горле. Так он посчитал, что это ее нужно бояться?

– Я не карманник! – запротестовала она, отступая и одновременно вырываясь. Он отпустил ее, и Кэролайн вжалась в другую стену, на этот раз настоящую, и положила ладони на шероховатые кирпичи. – Я не видела вас. Должно быть, споткнулась о подол плаща. Видите ли, я позаимствовала его, и...

– Позаимствовали? – прорычал он. Она вдруг уловила какой-то непонятный говор. Вроде акцента. Она чувствовала, как он медленно окидывает ее взглядом, оценивает, и поняла, о чем этот человек, должно быть, думает. Леди, одна, на улице? Да еще ночью, в чужой одежде? О таком в Мейфэре не слыхивали.

Ее щеки загорелись, несмотря на сырость, пропитавшую воздух.

Кэролайн еще сильнее прижалась к стене, боясь, что джентльмен снова вцепится ей в плащ и отведет назад в Сомертон-Хаус.

Если, конечно, перед ней джентльмен. Сердце судорожно сжалось, ком в горле мешал говорить. Она не могла кричать, умолять или уговаривать незнакомца.

– Куда вы идете в такой час? – процедил он.

Губы Кэролайн беззвучно шевелились, пока она тщетно искала ответ. Куда шла? Она даже не подумала об этом, когда сбежала из Сомертон-Хауса.

– На север, – вырвалось у нее, прежде чем бедняжка осознала, что говорит. – Я иду на север, – повторила она, словно пробуя слово на вкус. И ей понравилось. Поместье Сомертонов в Нортгумберленде, где она выросла, было на севере. Но там ее станут искать в первую очередь.

– Шотландия? Гретна-Грин, возможно? – допытывалась тень.

– Шотландия? – прохрипела она, как идиотка, которая никогда не слышала о подобном месте.

– Чтобы тайно выйти замуж? Вы бежите с женихом, верно?

– Бегу? – ахнула она. Если бы он только знал, насколько все обстоит иначе! Все наоборот!

– Советую вам пересмотреть свои планы. Вам не стоит гулять по улицам так поздно, и если бы ваш нареченный был сколько-нибудь мужчиной, не подверг бы вас такой опасности. Вам лучше вернуться домой и забыть.

– Нет! – вскрикнула она. Незнакомец склонил голову, и свет упал на правую сторону его лица. Кэролайн увидела сильный подбородок, высокую скулу, широкий лоб и локон темных волос. Один сверкающий глаз смотрел прямо на нее. Острый взгляд, как у ворона.

Она поежилась:

– Нет, я не могу идти домой. Мне нужно... встретиться с ним в гостинице «Голова оленя». Разве не оттуда уходят дилижансы?

Темная бровь взметнулась до самой линии волос:

– Вы собираетесь ехать дилижансом? Ублю... жених, по крайней мере, мог бы заплатить за место в дилижансе королевской почты, – проворчал он. Его рука так внезапно сжала ее локоть, что беглянка съежилась. – О, девушка, он вас не стоит! У меня самого три сестры, и если какой угодно мужчина посмеет...

Кэролайн вырвала руку. Теперь возврата нет. Если бы он узнал, что ей уготовано, если бы хоть на секунду мог представить, что перед таким выбором поставлены его сестры, то отпустил бы ее. Но вряд ли сейчас подходящее время для объяснений!

– Пожалуйста, просто укажите мне дорогу.

Она оглянулась, почти ожидая увидеть банду лакеев Сомертона, бегущих за ней, с факелами и вилами для тостов, ведущих на поводке по ее следу мерзкого маленького песика Шарлотты.

Он переступил с ноги на ногу, и Кэролайн подскочила от неожиданности. Сглотнула, сжала кулаки под плащом. Взяла себя в руки.

– Уверены, что не передумаете и не позволите проводить вас домой? С вами даже вещей нет. И перчаток.

– Выслала все вперед, – выдохнула она. Придется обойти его, чтобы броситься бежать, но он выглядел не только высоким, но и очень широкоплечим. Он легко сумеет остановить ее. И, возможно, если захочет, переломит пополам. Кэролайн принялась медленно перемещаться вдоль стены, готовая подхватить юбки и бежать, если разум ей откажет и она оставила его в Сомертон-Хаусе. Вместе со всем остальным.

– У вас есть деньги?

Это остановило ее. Кэролайн почувствовала, как кровь отлила от лица. Без денег она не сможет сесть в дилижанс или хотя бы найти гостиницу.

Она густо покраснела. Должно быть, светится так же ярко, как уличный фонарь, потому что он вздохнул.

– Не важно. Вижу, что денег у вас нет.

Он взял ее руку. Кожа его перчатки казалась прохладной. Уронил кошелек в ее ладонь и согнул пальцы.

– Поскольку вы полны решимости следовать этому неразумному и опасному плану, позвольте мне надеяться, что вы доберетесь до своего нареченного по возможности без приключений. Поезжайте почтовым дилижансом. Это быстрее. И на них реже нападают разбойники, хотя у вас нечего красть. Но садитесь в дилижанс, только если там уже сидит хотя бы одна женщина, ясно?

Щеки Кэролайн загорелись еще жарче. Что он, должно быть, думает о ней, безмозглой девчонке, убежавшей из дома навстречу туманному будущему? Она в свои двадцать два года выглядит маленькой и ужасно глупой.

Кэролайн снова вздохнула, подняла подбородок и кивнула, пытаясь казаться опытной женщиной. Он сейчас раздавит материнское кольцо в своем кулаке. И тут беглянка вспомнила, что у нее есть одна ценность. Она не вынесет, если кольцо окажется в руках обычного вора или разбойника. Этот человек так добр к ней. А леди платят свои долги.

Кэролайн отвела руку и сняла кольцо. В желтом свете фонаря оно сверкало, как капля крови.

– Позвольте мне возместить убытки, сэр. Уверяю, я не привыкла брать деньги у незнакомых джентльменов.

Он не прикоснулся к кольцу, но Кэролайн настойчиво протянула руку:

– Возьмите. Лучше вы, чем разбойник.

Незнакомец взял кольцо и, осторожно держа между большим и указательным пальцами, стал изучать. Гадал, действительно ли камень настоящий? Кэролайн не посмела ждать его решения и пошла прочь как можно быстрее, не решаясь бежать. Держала голову уверенно, гордо. Однако настороженно прислушивалась, не застучат ли его шаги за спиной.

Но сзади стояла тишина.

Кэролайн обернулась: улица была пуста. По ее спине пробежал озноб страха. Теперь она совсем одна.

Она на секунду замедлила шаг, гадая, не слишком ли поздно повернуть назад и...

Но тут пошел дождь. Тяжелые капли били по капюшону.

Шотландия. Будет ли Сомертон искать ее там? И будет ли вообще искать или обрадуется, что она ушла навсегда, что нежеланное бремя упало с его плеч?

Кэролайн вздохнула. Что бы ни сулило ей будущее, в нем нет места виконту Спиду или лорду Мандевиллу.

Она ощутила приятную тяжесть кошелька ее благодетеля, потуже завернулась в плащ и возобновила долгий маршрут к почтовой гостинице.

Алек поморщился от раздражения. У него дела куда более важные, чем защищать какую-то девицу, вздумавшую надеть глупостей. Ему нужно обшаривать улицы в поисках чертова письма, что он и делал, когда она едва не сбила его с ног.

Но вместо этого он последовал за ней, оставаясь в тени, потому что она была прекрасна, одинока и нуждалась в защите. Ее лицо – насколько он успел разглядеть под капюшоном – казалось совершенно белым. А страх был так же ощутим, как и ее решимость идти до конца.

Она напоминала ему единокровных сестер, особенно потому, что она была того же возраста, как и Мораг, самая старшая. Алек отчаянно надеялся, что ни одна из сестер никогда не сделает такой же глупости, как эта женщина. Скорее всего, кончится тем, что она так и останется незамужней. Погубленной ничтожным любовником. И будет вынуждена вернуться к семье, как только поймет, что ее обманули. Проведет остаток жизни, скрываясь от людей. Слывя позором семьи. Стоит ли это приключение того, чтобы вынести годы сожалений? Ее семья, скорее всего, ничего не станет предпринимать, чтобы найти ублюдка, поскольку это только добавило бы огня в пожар скандала.

Алек сжал кулаки. Он бы разыскал и убил всякого, посмевшегося причинить зло любимому человеку.

Но эту женщину он не любил. Даже не знал. Едва успел рассмотреть в темноте. Так почему идет за ней? Любопытство, возможно... или угрызения совести, потому что его никогда не будет рядом, чтобы защитить сестер, если это им понадобится. Мало того, вряд ли они вообще когда-нибудь его увидят. Может, она служанка? Но кольцо с рубином, которое она дала ему, было дорогим. Горничная, должно быть, обокрала хозяйку, перед тем как бежать.

Ему вдруг стало почти стыдно за свои колебания в спальне леди Брей, где он едва не украл кольцо.

Он нахмурился, гадая, уж не потворствует ли сейчас грабежу. Но почему она отдала свою нечестивую добычу именно ему? Кольцо стоило куда больше, чем те деньги, которые он ей дал.

Алек изучал стройную фигурку, решительно шагавшую к гостинице. Надо признать: она храбра. Большинство знакомых дам растаяло бы, словно сахар, только при упоминании о дожде, и ни одна его знакомая никогда не пойдет ночью одна по лондонским улицам. И все же он решил, что эта девушка – не служанка. Судя по осанке и манере держаться, перед ним истинная леди. А трепет, несмотря на браваду, указывал на то, что она не привыкла быть одна.

Он продолжал следить за ней, готовый прийти на помощь в случае неприятностей.

Она благополучно добралась до гостиницы, и Алек скользнул в конюшню, продолжая наблюдать. Девушка села в дилижанс. Кроме нее там были две женщины и пара мужчин. Все выглядели порядочными людьми. Пока что она в безопасности.

Дилижанс отправился в путь, когда рассвело и мокрые улицы Лондона на минуту окрасились в розовый цвет. Цвет надежды и любви.

Алек отвернулся. Выбросил из головы абсурдно сентиментальную мысль. И пожелал девушке добра, кем бы она ни была.

А пока что у него свои проблемы.

Алек направился к дому Бреев тем же путем, которым пришел.

Но письмо так и не нашлось.

Глава 4

Томас Элисон, граф Брей, с грохотом промчался по коридору, ведущему к покоям жены. За ним бежала ее горничная, пытаясь догнать хозяина, несомненно, сильно напуганная потоком проклятий, которые он изверг, когда она вошла в его кабинет.

Когда она постучала, он читал весьма интересное письмо. Ночь выдалась беспокойной. В дом проник вор, разбивший флакон с духами, но великолепное кольцо Бреев осталось лежать на туалетном столике. Лакей доложил Брею о случившемся уже утром. Никто не посмел бы разбудить графа, разве что в случае пожара. По словам лакея, в спальне графини нашли тонкую дощечку, шириной с ящик туалетного столика, а также письмо с печатью принца Уэльского. Элисону не потребовалось много времени, чтобы догадаться о сути дела. У него самого имелись ящики с тайниками, но ничего не было тронуту. Очевидно, вора интересовало то, чем владела его жена. Лакей принес ему письмо на серебряном подносе, вместе с потрепанной голубой лентой. Прочитав письмо, адресованное его жене и написанное тем интимным языком, которым пользуются любовники, он уже не сомневался в измене. Брей понял, что были и другие письма, перевязанные лентой. Возможно, от разных любовников.

Он читал и перечитывал письмо, рассматривая буквы, выведенные знакомым почерком принца. Сколько раз он сам получал письма от Принни, написанные на той же бумаге с золотым обрезом, с приглашениями на раут, званый ужин или карточную игру!

Первой реакцией Брея было чуть ли не благоговение. Элизабет привлекла внимание самого принца Уэльского?

После второго прочтения он понял, что ему наставили рога. Перечитав письмо еще раз десять, Брей окончательно взбесился. Из-за предательства жены и мерзавца королевской крови, клявшегося ему в дружбе. Он не единственный, кого принц поставил в такое положение. Другие влиятельные аристократы выглядели полными идиотами из-за подобных проделок его высочества. Все эти люди никогда больше не могли высоко держать голову после того, как весь свет узнал, что они рогоносцы. Кроме того, они даже не могли потребовать от принца сатисфакции! Приходилось просто жить с этим. Но Брей не из таких! Он отомстит. Пока еще не знает как, но отомстит.

Он уже обдумывал план мести, когда появилась горничная Элизабет.

Девушка нервно приоткрыла дверь кабинета и присела в глубоком реверансе, не смея подняться.

– Ее милость приняла слишком много опиума, милорд. Можно послать за доктором? – спросила она.

Брей опустил глаза на письмо в кулаке:

– Нет.

Она широко раскрыла васильковые глаза.

– Но...

Все возражения замерли у нее на губах, когда хозяин вскочил, да так резко, что стул обрушился на пол. Как она смеет спорить с ним? Элизабет не впервые одурманивает себя опиумом! И так часто употребляет наркотик, что Брей запретил слугам посылать за доктором во время очередного припадка графини. За последние полгода врач приходил каждую неделю и каждый раз приносил с собой опиум. Брей считал, что все проблемы жены связаны с этим зельем. Когда лекаришка назвал состояние жены истерической диспепсией, Брей собственными руками выкинул его из дома.

Он промчался мимо дрожащей горничной и направился к спальне жены. Горничная побежала за ним. Похоже, боится, что он изобьет ее хозяйку. И не без оснований...

Брей не потрудился постучать – просто распахнул дверь спальни. И захлопнул ее за собой прямо перед физиономией горничной, возможно, прищемив ей нос, если судить по пронзительному визгу. Вот и хорошо. Если он узнает, что девчонка сплетничает о пристрастии графини к опиуму, сделает кое-что похуже. Он терпеть не мог сплетен. И вот теперь обнаружил письмо. Сколько же людей знают правду?

Он остановился у кровати. Губы брезгливо скривились при виде графини.

– Элизабет?

Она почти не осознавала его присутствия. Только дернула головой, показывая, что слышит.

– Элизабет! – заревел Брей, и ее веки приподнялись, открыв блуждающие глаза. Черные зрачки поплыли вверх, закатились, а голова снова упала на подушку.

Он ударил ее по лицу. Элизабет вскрикнула и с трудом подняла руки, чтобы защититься от второй пощечины, но он схватил пузырек с настойкой опиума и швырнул в стену. Осколки разлетелись по комнате. Коричневая жидкость разлилась по обоям длинными медными лентами.

– Пожалуйста, Элисон, мои нервы, – захныкала она.

– С твоими нервами ничего не случилось, – зарычал Брей. – Сядь и объяснись, иначе я опрокину тебе на голову кувшин с холодной водой! Твоя горничная хочет, чтобы я послал за священником, поскольку я не пускаю доктора!

– Мои письма... она их нашла? О, куда они могли пропасть?

Она прикрыла запястьем глаза. Рот искривился в уродливых пароксизмах страдания. Но Брей не чувствовал жалости к ней.

– Ты вот это имеешь в виду? – осведомился граф, протягивая смятое письмо. Графиня покраснела. Значит, точно знала, что это такое.

– Это было так давно, – взмолилась Элизабет, бесцельно перебирая розовое атласное покрывало. – Я только хотела, чтобы у Софи было все самое лучшее...

– И что же ты сделала?

Она всхлипнула и отвернулась:

– Меня обольстили! Я ничего не могла сделать.

Омерзение поднялось к самому горлу, как горькая желчь.

– Ты моя жена, Элизабет. Моя графиня. Я женился на тебе, чтобы получить наследника. Законного наследника. Ты посмела предать меня с принцем Уэльским. Жирным Георгом, человеком, которого я считал своим другом! И вы двое смеялись, когда наставляли мне рога, когда лгали мне в лицо?

Ужасная мысль вдруг поразила его.

– Действительно ли Софи мой ребенок?!

Элизабет не ответила. Но он понял все по тому, как сильно она покраснела. Как расширились ее глаза.

– Не мой.

Она потянулась к его руке:

– Я сделала это для тебя! Чтобы заслужить его благосклонность.

Брей отстранился, прежде чем она успела коснуться его. Графиня опустилась на постель и закрыла глаза. Рука бессильно упала.

– Ты не любил меня, Элисон, но с ним я чувствовала себя желанной. Он писал мне любовные письма и стихи. Он ухаживал за мной. Ты никогда не ухаживал за мной.

– Ухаживал за тобой? – возмутился он, с недоумением глядя на нее. Элизабет была дочерью графа, и в приданое за ней давали земли и много денег. Брей женился на всем этом и взял в придачу жену. Земли и деньги принесли ему утешение, какого никогда не приносила она.

– Я всего лишь хотела быть любимой, но он стал так же холоден, как ты, едва я...
У нее хватило совести покраснеть.

– Как только я исполнила его желания. Это произошло только раз, всего раз, я клянусь!
Я сохранила письма, перечитывала и знала, что когда-нибудь...

Он почувствовал, как зашумело в голове:

– Письма? Значит, было не одно письмо? Сколько?

– Не помню, – умоляюще прошептала она.

– Помнишь, – отрезал он. – Сколько писем?

– Восемь, – всхлипнула она.

– И все в том же духе, что и это? – в ужасе спросил Брей, представляя, как интимные подробности его позора распространяются, подобно чуме. Читаются в салонах по всему Лондону, обсуждаются джентльменами в клубах и игорных заведениях.

Элизабет заставила себя сесть:

– Я сделала это для тебя, Элисон. Он не захотел признать ее. Не отвечал на мои письма, когда родилась Софи. Но у меня было это.

Она снова потянулась к письму, но Брей отдернул руку.

– Я хотела заставить его платить. Хотела вынудить его признать ее. Выдать замуж за члена королевской семьи. Надеюсь, ты понимаешь, насколько выгоден нам может быть этот брак?

Брей вытаращил глаза:

– Ты пыталась шантажировать принца Уэльского?

Графиня гордо выпрямилась и провела рукой по волосам.

– Я дала ему все, что он хотел. Теперь он должен платить.

– Ты дура, – прошептал он. – Принц был моим другом. Как он, должно быть, смеялся все эти годы, зная, что его кукушонок поселился в моем гнезде. Он танцевал с Софи на ее первом балу – о, какая честь, какая ирония!

Рот наполнился горечью. Брей отвернулся, чтобы сплюнуть в горшок. А когда снова повернулся, наткнулся на взгляд Элизабет. У нее хватило наглости выглядеть торжествующей, даже будучи под действием дурмана!

– Ты не считал меня красивой, а он считал. Писал мне стихи. Клялся, что жить без меня не может. Что убьет себя, если не отдамся ему.

– И он писал все это? В письмах? – не выдержал Брей. – О, какая глупость!

Он потер глаза:

– Софи знает?

– Конечно, нет! Я хотела подождать, пока Принни устроит ей достойный брак, и только потом сказала бы...

Брей грустно рассмеялся:

– Я растил ее в роскоши. Настаивал на лучших учителях, лучших модистках, лучшем обществе. Понятия не имел, что воспитываю бастарда принца.

Она снова вскинула голову:

– Теперь ты знаешь. Возможно, сумеешь убедить его высочество позаботиться о том, чтобы выдать Софи замуж за человека, достойного ее положения.

– Ее положения? Она побочный результат мимолетной интрижки между двумя самыми глупыми в Англии людьми!

Ее лицо омрачилось, челюсть упала едва не на грудь. Брею больше нечего было сказать. Он выплеснул гнев, но его мир необратимо рухнул.

Граф шагнул к двери, не в силах смотреть на жену.

– Горничная соберет твои вещи. Ты немедленно уезжаешь.

– Куда? – заныла она.

– Пока что в Карсуэлл-Парк. Позже я решу, что с тобой делать.

– Элисон, пожалуйста, – взмолилась Элизабет, пытаясь подняться. Она была настоящей развалиной. Пародией на леди, оказавшуюся шлюхой.

Брей окинул ее взглядом. Заметил глаза, красные и распухшие от слез и наркотиков, дорогую кружевную ночную сорочку, смятую и в пятнах, и спутанные волосы, беспорядочно падавшие на плечи, как у безумной.

Возможно, он отошлет ее в сумасшедший дом... как часть мести.

Он открыл дверь. Горничная отскочила от замочной скважины, едва не сбив с ног сидевшего на корточках за ее спиной лакея. Слуги воззрились на него с делано невинным выражением лиц. Но он знал, что они слышали все.

– Соберите ее вещи, – приказал он горничной. – Через час она уезжает в Карсуэлл-Парк. Вы будете сопровождать ее. И вы тоже.

Пусть сгниют со своей тайной на валлийской границе. Там им не с кем будет сплетничать.

– Запрещаю вам говорить с кем-то до отъезда. Ясно? Я узнаю, если пророните хотя бы слово о том, что здесь произошло, – зловеще предупредил Брей.

Оба кивнули. Судя по страху в глазах, он сумел их запугать.

Граф направился по коридору, мимо покоев Софи. Из-за двери послышались нестройные аккорды фортепьяно. Исполнение было отвратительным. Значит, у Софи урок.

Брей остановился у двери. Обычно он любил войти и послушать, разыграть снисходительного отца.

Кулаки сжались сами собой. Не сегодня. Он даже не был уверен, что когда-нибудь сможет на нее взглянуть.

Сначала он хотел отослать Софи вместе с матерью. Но тогда люди начнут задавать вопросы. Софи была самой популярной дебютанткой сезона. Все захотят узнать, почему она так внезапно покинула Лондон. Что, если принц о ней спросит? Неужели хватит наглости? А истории, которые сочинит свет, будут такими же уничтожающими, как правда.

Брей поморщился, когда Софи опять взяла фальшивую ноту. В глазах закона она по-прежнему его дочь. И он вправе распорядиться ее судьбой, как пожелает. Элизабет хотела, чтобы он выдал дочь за члена королевской семьи, не так ли? Он сделает прямо противоположное. Выдаст девчонку замуж быстро и без лишнего шума, за самого мелкопоместного лорда, которого сможет найти. За любого, кто возьмет ее, при условии, что увезет далеко-далеко.

Глава 5

Дворецкий, открывший дверь Уэстлейк-Хауса, был облачен в ливрею и бодр, словно уже наступил полдень. Но сейчас едва рассвело. Если он и удивился при виде Алека, то ничем не выдал своего удивления. Просто отступил и дал ему пройти в огромный вестибюль, предположив, что за Алеком послали и тот пришел немедленно, невзирая на ранний час.

– Доброе утро, Норткотт, – кивнул Алек, переступая порог дома графа Уэстлейка и вручая дворецкому шляпу.

– Доброе утро, сэр. Я посмотрю, дома ли его светлость. Не будете так добры подождать?

Алек стал ждать, хотя знал, что граф не только дома, но и, возможно, до сих пор работает, вникая в тайны и грехи общества, прочесывая жизни представителей своего круга, знатных аристократов, частым гребнем, просматривая частную корреспонденцию, изучая неприличные любовные записки, анализируя завещания, обеденные меню, списки белья из прачечных и официальные документы о продажах. И все в поисках скрытого смысла. Алек часто гадал, спит ли когда-нибудь куратор шпионской сети короны.

Он устало потер лицо, вспомнив, что со вчерашнего дня не ложился.

Алек отдал письма вчера, признавшись, что одно пропало, и через несколько часов получил приказ прийти прямо на рассвете. С той минуты он не знал покоя. Ошибки в его деле дорого стоили. Алек предположил, что его ждут выволочка и суровое предупреждение быть более внимательным. В худшем случае его снова пошлют обыскивать спальню графини Брей.

Он дернул себя за мочку уха, в котором до сих пор звенело от воплей доброй женщины.

– Его светлость ждет вас в кабинете, сэр, – объявил Норткотт, прервав мысли Алека, и пошел вперед, показывая дорогу.

Адам де Курси, граф Уэстлейк, сидевший за письменным столом, поднялся, когда вошел гость:

– А, Макнаб! Какая интуиция! Я как раз писал вам еще одну записку!

– Еще одну? – нахмурился Алек. – Когда я не являлся на ваш зов?

Граф поднял брови.

– Это другое дело и, следовательно, другая записка. Кофе, пожалуйста, Норткотт, – велел Уэстлейк, отпуская слугу, и показал на кресло напротив стола.

– Вы унаследовали титул отца. Он недавно умер. Теперь вы граф Гленлорн, – пояснил он, показав ему распечатанное письмо. Судя по тону, он был недоволен, что Алек не сообщил ему первому.

Но Алек и сам не знал. И даже согнулся, как от удара в живот: удивление было слишком велико. Но он тут же взял себя в руки и спокойно встретил взгляд Уэстлейка.

Да и откуда ему было знать? Он старался почти не общаться с семьей. Все считали, что он давно покинул Англию и сейчас находится на Цейлоне.

Горечь захлестнула его. Значит, отец умер молодым. Как и боялся сын, умер после бесплодной, бесполезной жизни пьяницы. Алек уехал из Шотландии, поссорившись с отцом и мачехой, которая стала главной причиной бегства. Алек возражал, когда отец начал распродавать земли, изменять древним обычаям, существовавшим веками, и в состоянии опьянения писал письма и указы, уничтожавшие прежние союзы. Алек подозревал, что виноват в этом не отец, хотя доказать ничего не мог. Лучше уехать, чем наблюдать, как уничтожают клан.

Он сжал подлокотники кресла, задетый тем, что Уэстлейк узнал обо всем раньше его.

Конечно, вряд ли это имело значение. Просто потому, что наследовать нечего, кроме бесполезного титула, обветшалого замка и горы долгов. С каждым новым поколением наследство все уменьшалось, словно клан был проклят и обречен на неудачи. Его прадед, зная, что грядет война, поставил на исход восстания якобитов, послав нескольких сыновей в лагерь роялистов, а остальных – в лагерь Красавчика принца Чарли. Битва и ее ужасные последствия уничтожили цвет клана вместе с лэрдом и семьей из восьмерых прекрасных сыновей. В живых остался самый младший. Парнишка был вдали от дома, не принимал ничью сторону, и англичане позволили ему сохранить то малое, что осталось от Гленлорна. При жизни деда и отца Алека положение все ухудшалось, пока не остались лишь старые легенды о славе Макнабов, что звучали у дымных очагов в ветхих хижинах из уст людей в лохмотьях. Те истории, которые рассказывал отец маленькому Алеку. Но Алек ничего не мог изменить. Он по природе не вождь. Поэтому и покинул дом восемь лет назад, полный новых радужных планов. И проиграл. Он – лэрд Гленлорн? Его клан воистину проклят.

– Да, – сказал он в ответ на объявление графа, так обыденно, словно они обсуждали погоду, словно он знал, но ему было безразлично. Алек не собирался возвращаться в Шотландию, чтобы похоронить отца или принять титул. Правда, он хотел знать, как живут его сестры и члены клана, и сейчас почувствовал угрызения совести. Но тут же их отгнал. Что он мог бы сделать, оставшись с родными? Только причинить лишнюю боль.

Он встретил вопрос в остром взгляде Уэстлейка с полным пренебрежением, безмолвно советуя графу не вмешиваться в его дела. Уэстлейк улыбнулся. Алек решил, что не должен удивляться осведомленности графа. Тот знал почти обо всем на свете.

– Собственно говоря, все случилось не так уж недавно. Почти год назад, – сообщил куратор.

Год?! Как же удалось выжить мачехе и сестрам?

Алек скрипнул зубами, но упрямо продолжал молчать, игнорируя вопросительно поднятые брови графа.

– Именно поэтому вы хотели меня видеть? Вы ничего не хотите похитить? Ни за кем не хотите проследить? – пробурчал он.

– Я получил письмо от графини Дивайн, – холодно усмехнулся граф.

– От кого?

Выразительные брови Уэстлейка снова дернулись, удивленно и с некоторым раздражением.

– Полагаю, это ваша мачеха.

– Деворгилла? – выпалил Алек.

– Похоже, она теперь называет себя графиней Дивайн.

В голове Алека зазвенели тревожные колокола. И дело было не только в смене имени, Деворгилла всегда обожала все английское. Она никогда бы не посмела изменить имя при жизни отца. Наверняка она что-то замыслила.

– Но, спрашивается, зачем ей писать вам? – удивился Алек. Деворгилла... Мачеха наверняка понятия не имеет, что Алек в Лондоне. Родные уверены, что он на Цейлоне, не так ли?

Он заерзал в кресле, обуреваемый знакомым чувством вины и собственного невезения.

– Она писала не мне, – покачал головой Уэстлейк. – Она писала человеку, ведающему вашими делами. Здесь, в Лондоне. Ричарду Уотерсу. Один из его слуг информирует меня об интересных случаях.

Алек нахмурился. Она хотела денег, возможно, отчаянно в них нуждалась. Но в этом он ей не помощник.

Он снова подумал о колье графини Брей. Интересно, сколько оно...

– Она хочет видеть вас мертвым, – бесстрастно продолжил Уэстлейк, словно Деворгилла просила Уотерса купить ей лент или отрез батиста.

Челюсть Алека отвисла:

– Мертвым?

– Поскольку вы пропадали почти семь необходимых для признания вас мертвым лет и не предъявили права на наследство или титул, она спрашивает, может ли Уотерс сообщить ей закон, который позволит официально объявить вас умершим, чтобы она могла завладеть вашим поместьем.

– Завладеть поместьем? Но там нечем владеть!

– Тем не менее она желает использовать все возможные средства, чтобы обеспечить достойным приданым своих трех дочерей: Меган, Алану и Сорчу.

Приданое. Конечно, девушкам нужно приданое, чтобы удачно выйти замуж. Он и не сообразил, что теперь это его долг.

– Она может это сделать? – спросил Алек.

Брови графа снова дрогнули, на этот раз обозначая веселость, если только Уэстлейку была знакома такая эмоция.

– Вы мне кажетесь вполне живым, Гленлорн, – ответил он, именуя Алека новым титулом. – Думаю, вы захотите сами отправиться на север и прояснить обстановку.

– Нет, – отрезал Алек.

Брови Уэстлейка взлетели почти к самым волосам.

– Нет?

Алек встал и принялся мерить шагами ковер:

– Я попрошу Уотерса послать ей письмо.

Но правильно ли это? Пусть он граф по праву, но понятия не имеет, как быть графом. Что он скажет Деворгилле, какие приказы отдаст, кроме того, что подтвердит свое земное существование?

Уэстлейк долго молчал. Словно что-то обдумывал.

– Говоря по правде, Гленлорн...

– С меня хватит просто «Макнаба», благодарю вас, – пробормотал Алек.

– Вы нужны мне в Шотландии. Или, по крайней мере, вдали от Лондона. Оказалось, что пропавшим письмом завладел лорд Брей, и меня заверили, что он знает правду. Вчера он отправил графиню в деревню и отказался от приглашения поужинать с принцем-регентом.

– Что это значит? – спросил Алек, который понятия не имел о содержании писем.

– Это значит, что больше мне ваши услуги не нужны.

Алек вцепился в спинку кресла так, что заскрипела кожа.

– Из-за единственной ошибки за семь лет?

Уэстлейк оставался спокойным – он никогда не терял самообладания:

– Не совсем, хотя я предупреждал вас, что в нашей работе ошибки не допускаются. Нет. Теперь у вас есть титул. Вы на виду, вы джентльмен. Кто-то может узнать вас, если вы начнете посещать приемы, которые допускаются вашим новым статусом.

– Но почему я должен это делать? – удивился Алек.

Уэстлейк открыл ящик, вынул книгу и протянул ему.

– «Уэверли»? Роман Вальтера Скотта?

Он полистал страницы.

– Да. Его читает все общество, включая мою жену, и в основном потому, что романом восхищается принц-регент. Он пригласил Скотта в Лондон, и теперь все шотландское в большой моде. Конечно, у него шотландские предки, и рано или поздно он станет королем Шотландии.

– Едва ли он пригласит меня на чай, чтобы поболтать о моей родине, милорд, – хмыкнул Алек.

– Нет, но в качестве шотландского графа вы будете иметь большой успех у остальных членов высшего общества, помешанного на моде света, который готов во всем подражать принцу-регенту. Моя жена предлагала отдохнуть в Шотландии и дать бал в шотландском стиле. Я, конечно, отказался, но вы сами видите, почему должны ехать.

Алек сложил руки на груди:

– А если я откажусь?

– Надеюсь, вы помните, что английский граф имеет преимущество над шотландским? – невозмутимо осведомился Уэстлейк. – Знаете, что Брей предложил награду тому, кто укажет вора, проникшего в его дом вчера ночью? Говорят, украдено драгоценное кольцо, а его жена так напугана, что вынуждена удалиться в деревню. Его лакей видел высокого темноволосого мужчину.

– Я не брал кольцо, – бросил Алек.

– Конечно, нет, но будет крайне неприятно, если вас узнают и, возможно, даже повесят за преступление, которого вы не совершали. Но вы действительно напугали ее милость. И она узнает вас.

Алек горько скривил губы и оглядел роскошно обставленную комнату. В Гленлорне нет ничего подобного, даже кофе, который Норткотт незаметно принес во время разговора.

Уэстлейк подошел к подносу, налил кофе в чашки. Соблазнительный густой запах напомнил Алеку, что он не на Цейлоне. Не ведет жизнь богатого плантатора. Он нищий вор, и его жизнь и тайны принадлежат Уэстлейку.

Он оставил кофе нетронутым и отвесил Уэстлейку преувеличенно почтительный поклон. Алек схватил письмо Деворгиллы с его стола и сунул в карман.

– Если не возражаете, милорд, отныне я сам займусь своими делами, – сообщил он, прежде чем направиться к двери.

Глава 6

Тяжелый дилижанс подскакивал на ухабах, как детская игрушка. Кэролайн поморщилась и схватилась за раму окна, пока экипаж не выровнялся.

– Какой страшный толчок, – хмыкнул некий джентльмен в зеленой шляпе, по имени мистер Брилл. Кэролайн едва удержалась, чтобы не закатить глаза. Он говорил то же самое по поводу каждой ямы или ухаба между Лондоном и... тем местом, где они находились сейчас.

– Совершенно верно, мистер Брилл, – кивнула женщина в голубом, обмахивая разгоряченное лицо перчаткой. – В такой дождь дороги просто в ужасном состоянии. Я и не надеюсь добраться до места с целыми костями.

– А куда вы направляетесь, миссис Хиндон? – спросил второй джентльмен, священник Скруп. Когда дилижанс отъехал от Лондона, он уткнул свой длинный нос в латинскую книгу по истории и оставил его там почти на все время путешествия. Проводя часы в полном безделье, Кэролайн завидовала ему. У него есть что читать, пусть даже это скучная история.

Миссис Хиндон выпрямилась, польщенная знаком внимания.

– Я еду в Бервик, сэр. Там живет моя сестра, и ей плохо приходится. Ее муж умер в прошлом месяце, а она в положении. Я надеюсь стать ей утешением.

– Позволю себе заметить, что денежное вспомоществование облегчило бы ее скорбь, особенно потому, что придется кормить еще один рот. Времена у нее тяжелые, – покачал головой мистер Брилл.

– Бедная женщина, – вздохнула молодая женщина, сидевшая рядом с Кэролайн и застенчиво представившаяся как мисс Луиза Бест. Кэролайн никак не могла разглядеть лицо мисс Бест под широкими полями простой соломенной шляпы, поскольку она все время опускала глаза. Это было ее первое замечание с тех пор, как она пробормотала свое имя остальным пассажирам.

– Сам я еду в Йорк, – объявил Брилл, не вдаваясь в подробности, и с любопытством уставился на мисс Бест, как сорока при виде чего-то блестящего. – А куда едете вы, мисс Бест?

– В Шотландию. Собираюсь стать гувернанткой трех молодых леди. Учить их английским манерам.

Миссис Хиндон ахнула, мистер Скруп кашлянул. Брилл ухмыльнулся:

– Манерам, вот как? Боюсь, нелегко вам придется.

– Варвары! – воскликнула миссис Хиндон, в ужасе прижимая руку к обширной голубой груди. Кэролайн с трудом проглотила ком в горле. Кажется, тот джентльмен, который помог ей, был шотландцем?

– Шотландия – не место для порядочной англичанки, – объявил Скруп как Господь, изрекающий заповеди.

– Почему? Что вы слышали? – вскричала мисс Бест. Вопрос, который едва не слетел с губ Кэролайн.

Миссис Хиндон испуганно мяукнула что-то и широко раскрыла глаза, ожидая, что мужчины все объяснят.

Мистер Брилл подался вперед.

– Во-первых, они не носят одежды. То есть такой одежды, к которой мы привыкли.

Он поднял руку. Миссис Хиндон охнула.

– Знаю, тема совершенно не деликатная, но это правда. Они одеты в лохмотья, едят сырое мясо или овес, как лошади.

Кэролайн нахмурилась. Бабушка рассказывала ей о Шотландии. Хотя она умерла, когда Кэролайн была очень молода, все же девушка не помнила, чтобы слышала о сыром мясе или голых дикарях. Бабушка говорила о лугах и пустошах, на которых цветет вереск, быстрых реках, полных лососей, и...

– Если бы мы, англичане, не подавили восстание Красавчика принца Чарли много лет назад и не принесли шотландцам хоть немного цивилизованности, думаю, они и сейчас были бы совершенно дикими, – вмешался мистер Скруп, закрывая книгу.

– Но у меня есть письмо от графини. Настоящей графини, которая живет в Северном нагорье.

Мисс Бест открыла ридикюль и, пошарив там, вынула сложенное письмо, которое протянула, как талисман.

Скруп фыркнул и отказался его взять.

– Возможно, у нее есть английский священник, который и написал письмо за нее. Шотландцы не умеют читать и писать, как мы. Они даже не говорят по-английски за пределами Эдинбурга, но и там всячески искажают и уродуют наш язык, пока он не превращается в чистую белиберду!

Кэролайн припомнила мягкий выговор шотландца. Она прекрасно его понимала. И этот человек был к ней добрее, чем все ее попутчики, вместе взятые. Она отметила злобный блеск в глазах Скрупа, тупое невежество в лице мистера Брилла. Негодование заставило ее вспыхнуть. Они пугали мисс Бест! Молодая женщина дрожащими пальцами убрала письмо.

Мало того, они пугают и ее.

Кэролайн прикусила губу. Неужели она сделала роковую ошибку? Ей следовало остаться в Лондоне. Возможно, она сумела бы уговорить Сомертона не торопить ее с выбором. Дать ей время. Ее шотландский спаситель ничего не сказал об ужасах этой страны. Конечно, он думал, что у нее будет сопровождающий, жених, который наспех женится на ней по шотландским обычаям, над наковальней, а потом привезет домой, в Англию.

Девушка с тоской смотрела в окно на пролетавшие мимо пейзажи. Она приняла необдуманное решение, которое может повлиять на всю ее оставшуюся жизнь. Может обернуться куда более трагическим будущим, чем предстояло бы ей в качестве жены Спида или Мандевилла. Она доверилась незнакомцу на улице и отвергла совет собственного брата, графа и джентльмена.

Кэролайн затаила дыхание. Ей следует повернуть назад, домой, извиниться и выйти замуж, как того от нее ожидали.

Но при одной мысли об этом она передернулась и закрыла глаза, пытаясь вспомнить, как выглядел ее шотландец. Нарисовать в воображении доброе лицо по одной темной щеке, части лба и единственного сверкающего глаза было нелегко. Он был к ней добр, и поэтому должен выглядеть располагающе. А еще оказаться удивительно красивым.

Она снова представила улыбающееся лицо с голубыми глазами и рыжеватыми волосами. Или, возможно, с карими глазами и темными волосами?

Мисс Бест громко всхлипнула, едва сдерживая слезы. Кэролайн положила ладонь ей на руку.

– Все наверняка не так плохо, как они уверяют. Восстание сорок пятого было много лет назад, и Красавчика принца Чарли давно нет на свете, – утешила она. – Моя бабушка много рассказывала о Шотландии и ни разу не упомянула о...

Раздались общие восклицания ужаса.

– Вы шотландка? – спросила миссис Хиндон, словно боялась, что Кэролайн вот-вот выхватит кинжал из-под плаща и поубивает всех присутствующих, начиная с нее.

– Нет, я англичанка, – поспешно заверила Кэролайн.

– Куда же вы едете? – поинтересовался мистер Брилл.

Кэролайн замялась:

– В Ш-шотландию.

Слово неуклюже скатилось с языка, и волна сомнения вновь окатила ее.

Мистер Скруп с подозрением свел брови. Миссис Хиндон снова охнула. Мистер Брилл холодно рассмеялся.

Мисс Бест поправила шляпку, прежде чем устремить взор на Кэролайн.

– Вы там бывали раньше?

– Н-нет.

– Почему же едете сейчас? – допытывалась миссис Хиндон. Все воззрились на Кэролайн с видом голодных стервятников рассматривающих добычу, слабую, беззащитную, забравшуюся вопреки здравому смыслу далеко от дома, где ей следовало бы оставаться.

Но будущее ждало, каким бы оно ни оказалось. В этом Кэролайн не сомневалась. Накатившая было волна страха отступила. Вряд ли сто́ит откровенничать с соседями по дилижансу.

– Я еду...

Кэролайн пыталась придумать правдоподобную историю:

– Я собиралась...

Но тут ее прервала очередная встряска экипажа.

– Это был страшный толчок, – объявил Брилл, но пассажиры наблюдали за Кэролайн, ожидая ответа.

Она почувствовала, как между лопатками поползли капли пота.

– Я еду на свадьбу, – выдавила Кэролайн. Разве ее спаситель не предположил, что она сбежала из дома с женщиной?

– Свадьба?

Подозрительность в выцветших глазах миссис Хиндон сменилась любопытством.

– Со стороны невесты или жениха?

– Э... невесты. В Эдинбурге. Моя сестра выходит замуж за английского солдата, часть которого там стоит. Он... капитан.

В голове уже сложилась романтическая история.

– Он очень красив, а моя сестра так счастлива.

Все не сводили с нее зачарованных взглядов. Кэролайн перевела дыхание, готовая добавить подробности, но экипаж снова трянуло.

– Это был страшный толчок, – хором заявили Брилл и Скруп, и миссис Хиндон хихикнула.

– Вам лучше собрать цветы к свадьбе по эту сторону границы. В Шотландии ничего не растет. Шотландцы едят баранину, а овцы съедают всю растительность. Это голое, пустынное место, где никогда не светит солнце, – распространялся мистер Брилл.

– Проклятие божье на землю язычников, – поддакнул священник.

Мисс Бест захныкала и сжала руки, словно в молитве.

Экипаж раскачивало, как корабль в штормовом море. Наконец лошади свернули в грязный двор гостиницы. Миссис Хиндон взвизгнула, когда ее швырнуло на мисс Бест. Скруп крикнул, когда локоть мистера Брилла сбил книгу на пол. Кэролайн вцепилась в сиденье.

Пассажиры дружно вздохнули, едва дилижанс остановился, и стали поправлять шляпки и шляпы. Они вышли наружу, щурясь от яркого света, и размяли затекшие мышцы.

Мисс Бест подхватила юбки и поспешила в гостиницу. Кэролайн последовала за ней. Миссис Хиндон шла сзади, пробираясь по грязи, как хлопотливая курица, и громко жалуясь, что испортила полуботинки.

У Кэролайн заурчало в животе. Она почти не ела со вчерашнего ужина в Сомертон-Хаусе. Как давно все это, казалось, было. И дом был таким же чужим, как Шотландия. Ищет ли ее единокровный брат?

Кэролайн окинула взглядом гостиницу с низкими потолками, безразличные лица посетителей.

– Когда прибудет дилижанс, следующий на юг? – спросила мисс Бест хозяина. – Я хочу купить билет.

– Но вы только что вышли из лондонского почтового дилижанса, – удивился тот.

– Я передумала! Хочу немедленно вернуться в Лондон, – в отчаянии пояснила она, явно охваченная паникой. Кэролайн дернула ее за рукав:

– О, мисс Бест, уверена, что Шотландия далеко не так плоха, как они утверждают.

Мисс Бест сморгнула слезы и вырвала руку.

– Откуда вам знать! Вы сказали, что никогда там не были!

– Но... – начала Кэролайн.

– Вам нужен билет или нет? – спросил хозяин гостиницы.

– Что вы знаете о Шотландии? – спросила девушка.

– Это не Англия, – загадочно ответил он.

– В таком случае я возьму билет!

Мисс Бест открыла ридикюль, чтобы вынуть деньги. Письмо выпало – белый листок бумаги на черных досках пола. Монеты зазвенели на деревянной стойке. Мисс Бест схватила билет и отвернулась.

– Подождите! Ваше письмо! – воскликнула Кэролайн, нагибаясь, чтобы поднять его.

Девушка отпрянула, словно письмо было отравлено.

– Мне оно не нужно! Сожгите его!

С этими словами она, не оглядываясь, исчезла в зале ожидания для дам.

Кэролайн ощутила, как письмо обжигает пальцы. Она посмотрела на сломанную печать: это лев или медведь? Она не смогла прочитать имя или девиз. Кэролайн развернула письмо.

«Я рада предложить вам место гувернантки с жалованьем семь фунтов в год плюс комната и питание в замке Гленлорн. Вам необходимо научить английскому трех моих дочерей, семнадцати, пятнадцати и одиннадцати лет, а также преподавать им светские манеры и умение одеваться. Мы ожидаем вас в Гленлорне к первому числу этого месяца».

Письмо было подписано графиней Гленлорн.

– Гленлорн, – прошептала Кэролайн. Ей есть куда ехать. Ее ждет приличная работа с жалованьем у матери с тремя дочерьми. Графиня хотела, чтобы кто-то научил их английскому и манерам. Кто лучше дочери английского графа сможет это сделать?

Она открыла кошелек шотландца, чтобы заплатить за пирог с мясом и чашку чая. В душе ее пробудилась надежда. Мысленно Кэролайн еще раз поблагодарила своего неизвестного благодетеля, и воображаемое лицо улыбнулось. Зеленовато-карие глаза сверкнули, а красно-золотистые волосы растрепал свежий горный ветер.

На сердце стало немного легче. Это приключение, новые возможности! Та история, которую можно будет рассказывать детям и внукам. Кэролайн не так глупа, как мисс Бест, чтобы повернуть назад.

В ее воображении шотландский герой улыбнулся теплой, манящей улыбкой. Голубые глаза блестели, и локон светлых волос упал на высокий лоб, когда он протянул ей руку.

Глава 7

Алек смотрел в янтарные глубины бокала с виски, игнорируя посетителей скромного мужского клуба. Письмо Деворгиллы лежало в кармане, и он успел прочесть его раз десять.

Она нуждалась в деньгах. Замок требовал ремонта, а все ее жалкие средства уходили на воспитание юных дочерей. Покойный муж, седьмой граф, оставил бесчисленные долги, как она утверждала. Если она сумеет найти способ объявить Алека мертвым и продать Гленлорн, дочери получат приданое. Она ни словом не обмолвилась о жителях Гленлорна или о том, что земли, окружавшие ветхий замок, насчитывают четыреста лет истории Макнабов. Истории ее дочерей. Ее собственной истории.

– Добрый вечер, Гленлорн, – приветствовал один из членов клуба, назвав его новым титулом. Алек заскрежетал зубами, но промолчал. Всего через несколько часов после встречи с Уэстлейком уже дюжина человек назвали его Гленлорном, а не Макнабом, как обычно.

Он мысленно проклял Уэстлейка и Деворгиллу. Сколько времени потребуется, чтобы все поняли: графство его нищее, а семья предпочла бы видеть хозяина мертвым? Нет никаких сомнений, что Деворгилла хочет продать все оставшееся. Интересно, сколько стоят замок и земли?

Если он решит вернуться в Шотландию, ему понадобятся деньги. Необходимо обеспечить хотя бы сестер. Возможно, придется сделать то, чего хотела Деворгилла, – продать Гленлорн. Или...

Алек взглянул на дверь в игорную комнату.

Он мог бы приехать домой хоть с какими-то деньгами, если повезет больше, чем в последнее время. А если повезет еще больше, денег он выиграет достаточно, чтобы одурачить их, заставив поверить, что действительно был на Цейлоне. По меньшей мере, можно попробовать.

Алек проглотил остатки виски и встал.

Час спустя он тупо смотрел на зажатые в руке бесполезные карты.

– Итак, граф? – спросил Джаспер Кендрик.

Алек снова услышал свой титул, но не обратил на это внимания. Все его деньги уже лежали перед Джаспером, и этот человек сейчас опять выиграет.

Алек ощутил, как по спине поползла тонкая струйка пота. Но вынудил себя улыбнуться. словно унаследовал богатое герцогство вместо убогой шотландской развалины. Положил карты на стол и швырнул туда же последние несколько гиней.

– Я уезжаю из Лондона на несколько недель, так что сберегу вам время и нервы, не стану оставлять вексель, а расплачусь наличными.

– Вы уезжаете в разгар сезона? – удивился Джаспер, вытаращив бледно-голубые глаза. – Вы и не представляете, как титул помогает поправить дела! Вы будете иметь огромный успех в глазах потенциальных невест! Теперь, получив наследство, вы станете предметом разговоров на каждом женском собрании! Леди не понравится, если красивый, высокий, титулованный холостяк уедет во время сезона охоты за мужьями!

Он забрал деньги, не потрудившись пересчитать.

Алек поднялся:

– Хоть мне и лестно их внимание, но я не ищу жену.

– Это вы сейчас говорите, – хмыкнул Джаспер, – но, скажем, не думали о такой леди, как мисс Энн Деверо? У нее доход тысяча фунтов в год, и она жаждет заполучить титул. «Графиня» прекрасно ей подойдет.

– В таком случае я надеюсь, что она найдет славного, готового на все графа, который даст ей желаемое, – пожал плечами Алек. – Доброй ночи, Кендрик. Надеюсь, мои деньги пойдут вам впрок.

Он с сожалением окинул взглядом груды монет перед своим богатым противником, отвернулся и направился к двери. Но дорогу перегородила позолоченная трость.

– Добрый вечер, Гленлорн! Я надеялся перемолвиться с вами словцом наедине, прежде чем вы уйдете.

Алек оглядел трость, решая, не стоит ли ее схватить и переломить о колено. Хозяин трости даже не потрудился встать. Он сидел за столом у двери, наполовину в тени. Алек злобно воззрился на него, готовый выругаться. Но во рту пересохло, когда он узнал графа Брея. Граф не сводил с него глаз. Выражение лица было холодным и непроницаемым.

Брей показал на место напротив.

– Садитесь.

Что ему оставалось делать? Знает ли граф о том, что Алек вломился к нему, перепугал жену, украл ее письма?

Он медленно сел, гадая, почувствует ли холодную сталь кинжала, пронзающего его живот под столом.

Но Брей просто сделал знак официанту. Кольцо-печатка с драгоценным камнем сверкнуло в тусклом свете свечи.

– Полагаю, вы не откажетесь от виски? – спросил он.

Алек кивнул. Зубы были слишком плотно стиснуты, и говорить он не мог. Брей улыбнулся, и Алек сразу распознал жестокость, маскирующуюся под дружелюбие. У него мурашки пошли по коже, когда взгляд графа скользнул по нему. Если Брей все знает, его не защитят ни Уэстлейк, ни собственный жалкий титул.

Но непохоже, чтобы Брей его обвинял. Если бы он хотел спросить о взломе, просто дождался бы у входа и велел нескольким дюжим лакеям насильно сунуть Алека в темный экипаж или бросить в еще более темном переулке. Сидевший перед ним мужчина был другом самого принца-регента, одним из самых влиятельных лордов в королевстве. Но если он здесь не ради мести, какого черта хочет от него?

Брей подождал, пока официант поставит перед ними напитки и отойдет. Поднял бокал. Глаза были жестки и черны.

– Знаете, Кендрик совершенно прав. На вас будет огромный спрос на брачном рынке, когда станет известно о вашем титуле.

На языке Алека так и вертелось требование называть его Макнабом, но он молчал, настороженный и полный любопытства.

– Сегодня вам не слишком повезло за игорным столом, – заметил Брей.

– В чем дело, милорд? – спросил Алек. Взгляд Брея упал на нетронутый бокал Алека.

– Скажите, вы гоните виски в вашем шотландском поместье?

– Нет, – коротко ответил Алек, хотя отец выпил столько эля, что хватило бы заполнить озеро у подножия замка.

– Выращиваете овец или ткете шерсть в Гленлорне?

Алек молчал.

– Коровы? Овес?

– Почему вы спрашиваете? – недоумевал Алек.

– Простое любопытство. Хотел узнать, каков доход у шотландского графа, так что взял на себя труд справиться.

Судя по злорадной ухмылке Брея, ему было известно, что Гленлорн разорен. Алек не собирался играть в эти игры со скучающим аристократом или слушать, как еще один англичанин ради забавы чернит Шотландию, а заодно и Алека.

Он попытался подняться:

– Доброй ночи, лорд Брей.

Брей повелительно поднял руку:

– Сядьте! У меня к вам предложение.

– Нет... – начал Алек.

– У вас три младших сестры, верно? И по крайней мере одной из них пора замуж. Как вы собираетесь дать им приданое? – перебил Брей.

Это остановило Алека. Холодная улыбка Брея походила на предостережение. Но теперь в Алеко проснулось любопытство. Может, Брей хочет купить Гленлорн? Это действительно решило бы много проблем.

– Что вы хотите, милорд?

– Как я сказал, у меня предложение. Брачное предложение, – пояснил Брей.

Алек едва сдержал смех:

– Вы не в моем вкусе, милорд.

Брей послал ему очередную ледяную улыбку.

– Совершенно верно. Но я имел в виду свою дочь. Дебют Софи состоялся в этом сезоне. Она побывала на всех важных балах и вечерах. Конечно, вы в таких кругах не вращались. Возможно, вы не имели удовольствия быть ей представленным.

В голове забили колокола, возвещавшие об опасности.

– Ваша дочь? Леди Софи Элисон?

– Да. Я хочу, чтобы вы на ней женились.

– Жениться на леди Софи Элисон? – повторил Алек в полном недоумении. Он действительно был ошеломлен. Тут какая-то ошибка! Леди Софи – королева сезона! Ей уж точно предназначено стать по меньшей мере женой герцога! Ходили даже слухи о браке с членом иностранной королевской семьи. При чем тут нищий шотландский граф?

Но Брей кивнул:

– Полагаю, вы ее знаете?

Дочь графа знали все. Ее считали самой красивой леди в Лондоне. Но Алек не был лично с ней знаком.

Он молчал. Должно быть, с Софи что-то не так, если Брей выбрал дочери такого жениха. Однако состояние ее отца, его связи с королем сделали бы даже самую уродливую девушку прекрасной, а глупую – умной.

Алеком овладело смятение, заглушая надежду на то, что предложение Брея означает спасение.

– Сожалею, но я не намерен жениться, – осторожно заметил Алек.

– Я даю за ней пятьдесят тысяч фунтов.

Алек снова потерял дар речи.

– Пятьдесят? – выдавил он.

– Да. Подумайте об этом. Весь виски, овес, коровы и овцы, – все это вы сможете купить.

А заодно превратить дом...

– Замок, – поправил Алек.

– Замок.

Брей небрежно отмахнулся, словно для него не имело значения, где будет жить дочь после свадьбы.

– ...Превратить в самый великолепный замок Шотландии... романтическое любовное гнездышко для себя и Софи.

Алек упорно смотрел в бокал с виски. Романтика? Он никогда не любил. Даже не думал о такой возможности. Но женитьба – дело другое, и – увы! – любовь часто не имеет к ней отношения. Впрочем, он и о женитьбе не думал.

Его рука сжала бокал. Пятьдесят тысяч фунтов! Он может дать сестрам приданое, устроить им достойные браки... более чем достойные. Может заново построить коттеджи и фермы в Гленлорне, видеть, как люди выбираются из нищеты, вернуть им гордость.

Алек прикрыл глаза. Это мечты его деда. Не его самого. Он сомневался, что в Гленлорне осталось что-то, достойное перестройки. Это глупое занятие, такое же невозможное, как попытки оживить мертвых. В подобное место невесту не приведешь, особенно такую, как леди Софи Элисон.

– Вы колеблетесь, – заметил Брей.

– Почему? Почему я? – выпалил Алек, внезапно рассердившись. За этот день вся его жизнь изменилась.

– Почему не вы? – пожал плечами Брей. – Вы красивый молодой человек, с титулом и замком. Я упоминал, что отдам Софи все драгоценности матери? Все бриллианты, рубины и изумруды, а их очень много.

– У нее не будет случая носить все это в Гленлорне, – пробормотал Алек.

– Не важно. Софи полюбит Шотландию. Уверен, что ей не захочется возвращаться в Лондон.

Опять в голове звонят колокола тревоги! Ясно, что граф Брей хочет избавиться от дочери. Он хладнокровно отдает бедняжку человеку, который, как надеется отец, будет держать ее как можно дальше от столицы. Лишь бы никогда ее не видеть! Очевидно, его не волнует будущее Софи, ему безразлично, сможет ли Алек сделать ее счастливой.

Ему стало жаль девушку. В чем она провинилась, чтобы заслужить такую участь? Знает ли, что происходит?

И тут его словно громом поразило.

«Письма».

Если все это как-то связано с письмом, которое он обронил, тем, которое по словам Уэстлейка, нашел Брей, значит, судьба Софи – его вина.

Внутри у него все перевернулось.

– Подумайте о деньгах, Гленлорн, – настаивал Брей.

Алек вздохнул. Пятьдесят тысяч фунтов означают, что в его жизни больше не будет лжи, воровства и шпионажа.

– Мне нужно все это обдумать. Я уезжаю в Шотландию завтра. Прикажу моему агенту с вами связаться.

Уотерс... так, кажется, называла его Деворгилла.

Но рука Брея остановила его.

– Бросьте, Гленлорн. В Шотландии оглашений не требуется. Можете взять ее с собой и там жениться.

Алек смотрел на голубые вены на руке Брея, на дорогие кольца, украшавшие пальцы. Ни один отец-англичанин не хотел бы, чтобы дочь обвенчали над наковальней. Это было скандально и неприлично. Невзирая на титул жениха.

Он вдруг подумал о рыжеволосой девушке, которой помог на пути к такой же участи, и поморщился от стыда. Если бы он не уронил то письмо, никогда бы не увидел ее на улице, и Брей сейчас сидел бы в куда более престижном клубе для джентльменов, договариваясь о куда более выгодном браке для дочери.

Алек неожиданно почувствовал себя ответственным за несчастье обеих женщин, а также сестер и Деворгиллы.

– Возможно, нужна долгая помолвка, чтобы мы смогли лучше узнать друг друга, – заметил Алек. – Когда я вернусь, мы все устроим. Скажем, год?

Хотелось бы знать, где сейчас та девушка, которую он встретил на улице. Он надеялся, что она замужем и безумно счастлива со своим верным, надежным мужем. Она была храб-

рой малышкой, готовой сделать все ради любви, ради шанса на счастье. Она из тех женщин, которые стоят рядом с мужьями в грозный час, она будет любить своего избранника всегда, при условии, что он не обманет ее надежд, ее ожиданий. Какая же жена выйдет из избалованной, изнеженной Софи?

Но она сделает его богатым.

– Год! – фыркнул Брей. – Считаете, что я слишком спешу? В таком случае, предлагаю шестьдесят тысяч фунтов. Вот что я готов для вас сделать: поскольку вы должны немедленно выехать в свое поместье, я устрою так, что Софи приедет в Шотландию через две недели. Перед свадьбой можете показать ей все достопримечательности Гленлорна.

– Я не... – начал Алек. Но Брей поднялся и протянул руку.

– Через две недели она будет там. За это время вы сообщите радостную новость о предстоящей свадьбе родственникам. Или следует сказать «клану»?

– Когда-то это слово было вне закона, особенно в Англии, – сказал Алек. Клань, гэльский язык, плед, даже волынки были запрещены в Англии много лет после битвы при Каллодене.

– Его высочество намерен все это изменить, – хмыкнул Брей. – Он обожает одежду горцев. Сэр Вальтер Скотт обещал найти ему портного, который сможет сшить настоящий шотландский костюм и привести волынщика, чтобы тот сыграл для него.

– Если сможет найти такового, – пробормотал Алек.

Брей проигнорировал укол.

– Вижу, вы патриот. Человек чести. Софи гордится тем, что способна диктовать новые моды. Принцу нравится все шотландское, но только женщина, вроде Софи, может сделать это стильным и ярким. Представьте, что все англичане будут искать в своей родословной шотландские корни, и Шотландия вернет себе былую славу – с волынками, пледами и гэльским языком.

Алек сдержал стон. Интерес Англии к Шотландии никогда не сулил ничего хорошего.

Он смотрел на протянутую руку Брея. Меньше всего он виноват в том, что Софи так поспешно выдают замуж. А его сестрам нужны деньги. Разве не поэтому он пришел сюда сегодня?

Алек представил, как приезжает в Гленлорн, такой же нищий и никчемный, как отец. Клану придется кормить еще одного нахлебника. Даже если это граф.

Джаспер Кендрик прав. Жениться на деньгах – самый быстрый способ получить состояние. Возможно, единственный. Все равно нужно на ком-нибудь жениться. Брей показал, что у Алека нет выбора.

Он нерешительно пожал руку будущему тестю.

Глава 8

Призрак Ангуса, прозрачный, как газовая занавеска, стоял, глядя в окно старой башни. Сквозь его широкую спину Джорджиана видела дорогу, вьющуюся мимо башни к новому замку. Конечно, новым назвать его было трудно. Он был старше их обоих, а они мертвы почти двадцать лет. Но все же новее, чем это место, населенное привидениями.

– На что ты смотришь? – спросила она.

Ангус ответил суровым взглядом из-под кустистых бровей. Что ни говори, а из красивого юноши он превратился в по-настоящему красивого мужчину. Джорджиана хотела бы состариться с ним.

Она почувствовала знакомый укол сожаления и наклонила голову набок, чтобы улыбнуться ему.

– Неужели мужчина не может полюбоваться видом? – раздраженно буркнул он, очевидно, насторожившись при виде ее мечтательной улыбки.

– Полагаю, так, – мягко ответила Джорджиана и подплыла ближе, позволяя ему почувствовать свое присутствие. Он пожал плечами, но не отошел.

– Что-то должно случиться. Костями чувствую. Как когда-то чувствовал бурю, надвигающуюся с холмов, – проворчал Ангус. – Возможно, оно уже здесь. Деворгилла всегда была интриганкой, а тут откуда ни возьмись явился молодой Броуди Макнаб, сплошные улыбки и мышцы. Пусть даже у него в голове мозгов нет! Она что-то затеяла или он... что-то, что навсегда изменит Гленлорн.

Он был похож на свирепого орла.

Можно подумать, у него есть кости!

Джорджиана подавила улыбку.

– Это будет так же плохо, как Каллоден? Гленлорн пережил это, Ангус.

Она позволила себе еще раз оглядеть его широкие плечи, сильные прозрачные руки, сжимавшие подоконник.

Ангус повернулся, яростно глядя на нее:

– Да, Гленлорн это пережил, но тут совсем другое. Мой отец отправил своих сыновей сражаться на каждой стороне. Половина – якобиты. Половина – роялисты, только чтобы быть уверенным, что Макнабы сохранят Гленлорн, независимо от того, кто победит.

– А на какой стороне был ты?

Он еще больше нахмурился.

– Как я мог выбирать? Я шотландец, но...

Ангус отвел глаза. Плечи бессильно опустились.

– Но ты был влюблен в англичанку, дочь английского лорда, – закончила она.

– Я не был трусом. И сражался бы вместе с братьями, но они не дали мне такого шанса.

Он старательно изучал свои пальцы.

– В ту ночь, когда мы хотели бежать вместе, меня поймали. Я как раз собирал вещи и взял кольцо бабушки, чтобы надеть его тебе на палец. Меня избили до полусмерти, перекинули через круп лошади и увезли на побережье, где посадили на первый попавшийся корабль, не спросив, куда он идет. Главное – увести меня подальше от тебя.

– Так вот почему ты не пришел, – тихо сказала Джорджиана, изнемогая от сострадания к своему другу.

– Ты действительно подумала, что я бросил тебя?

Она вздохнула, и ветер тронул переплетавшиеся кроны деревьев, росших прямо в разрушенной башне.

– Позже мне сказали, что ты поступил именно так. Что пришел в себя, опомнился и убежал, потому что не мог представить жизнь со мной.

– Ублюдки, – прошипел он. Стайка воробьев в ужасе вспорхнула от такой злобы и метнулась мимо тени Ангуса в открытое небо. Он поежился, хотя они не могли причинить ему зла.

– Полагаю, братья за это поплатились. Все мертвы или захвачены в плен.

– Останься ты здесь, погиб бы при Каллодене, и я бы все равно тебя потеряла, – тихо ответила Джорджиана и подплыла еще ближе. – Куда тебя увез корабль? Я часто представляла...

Но Ангус снова смотрел на дорогу.

– Господи милостивый! Я вижу призрак!

Джорджиана глянула вниз. По дороге проезжала тележка, но единственным призраком было облако пыли, поднявшееся за ней. Молодая женщина, сидевшая рядом с кучером, подняла голову, глядя на башню, крепко держа шляпку. Длинный рыжий локон трепетал на ветру.

– Это ты, возлюбленная! Что за чародейство...

Джорджиана рассмеялась, и он в удивлении повернулся к ней. Несколько секунд она, не обращая на него внимания, рассматривала девушку на тележке. В прозрачной груди росли гордость и облегчение.

– Это моя внучка Кэролайн. Наконец-то! – воскликнула она и одарила Ангуса ослепительной улыбкой, когда тележка свернула за поворот и исчезла в начале долины, направляясь к новому замку.

Ангус ошеломленно воззрился на нее.

– Как тебе это удалось? – начал он, но Джорджиана лишь кокетливо усмехнулась.

– Считаешь, она похожа на меня?

Ангус встряхнулся и кивнул, чувствуя себя донельзя глупо.

– Да. Те же волосы, та же белая кожа. Эту девушку ты предназначила Алеку?

– Да! Ну, что скажешь?

– Помоги ему боже! – простонал он. – Стоит ему посмотреть в эти глаза – и он пропал. Я слишком хорошо помню это чувство!

– Если он когда-нибудь доберется сюда, – отмахнулась Джорджиана, счастливая от бесхитростного комплимента Ангуса.

– Да, – пробормотал он, глядя вслед тележке. – И лучше бы он явился поскорее.

Глава 9

Кэролайн вместе со своими подопечными сидела на склоне холма в тени старой башни Гленлорна и наблюдала, как облака плывут по идеально синему небу, словно дебютантки в танце.

– Вечером будет дождь, – мрачно заметила одиннадцатилетняя Сорча, проследив за взглядом Кэролайн.

– Но от дождя цветы лучше растут, – возразила семнадцатилетняя Меган, хорошенькая и утонченная.

– Особенно лаванда, дикая роза и белая омела, – шутливым тоном вставила пятнадцатилетняя Алана.

– И много лугового мятлика и мальвы, – добавила Сорча. – Мойра сказала, что ты должна найти мальву.

Она и Алана подтолкнули друг друга и заговорщицки хихикнули.

Подбородок Меган поднялся, и Кэролайн заметила, что она покраснела.

– Для чего столько цветов? – мягко спросила она.

– Вечером – канун Иванова дня, – пояснила Сорча.

– Вы празднуете Иванов день? – удивилась Кэролайн.

Алана снова хихикнула.

– Полагаю, в Англии не столь суеверны. Понимаю, мы не должны этого делать, но большинство горцев по-прежнему чтут обычаи. Канун Иванова дня – всего лишь предлог для праздника. Разложат костер, будут танцевать. Ничего пагубного для наших душ.

– Знаю, – улыбнулась Кэролайн. – Когда я росла в Англии, мы делали то же самое.

Им следовало бы читать трактат о домашних обязанностях английской леди. Но прекрасная погода и предпраздничное волнение не давали сосредоточиться даже Кэролайн. Ветер был теплым, цветы дурманяще пахли, и Гленлорн был, несомненно, самым красивым местом на земле.

– Как вы здесь празднуете?

Алана пожала плечами.

– Пирожные и эль у костра, вот и все.

– Не все, особенно если веришь в старые обычаи! Там присутствует волшебство. Летают феи и наводят любовные чары, – ухмыльнулась Кэролайн. – Старая Мойра пообещала сделать любовный амулет для Меган, чтобы она нашла любовь в новом году.

Меган снова побагровела.

– О, она уже нашла настоящую любовь, – заверила Алана. – Она любит Броуди. Он наш кузен и будет следующим лэрдом, если Алек не вернется. Мама настаивает, чтобы мы выходили замуж за английских лордов, но для Меган сделает исключение. Она будет графиней, не так ли, мисс?

– Молчи! – воскликнула Меган, топнув ногой.

– О, чтобы завоевать Броуди, ей понадобится больше, чем любовный амулет, – продолжала Алана, несмотря на злой взгляд сестры. – Каждая девушка на сотню миль вокруг влюблена в Броуди. Он крепкий парень, пусть и не слишком умен, и будет следующим лэрдом.

Меган опять залилась краской.

– Матушка говорит, что это поможет удержать Гленлорн в семье, вот и все.

– Если ей повезет, завтра ночью она будет прыгать вместе с Броуди через костер, – продолжала подшучивать Сорча. – Он будет королем праздника и должен выбрать королеву. Меган уверена, что он выберет ее.

Она подняла Алану на ноги. Они взялись за руки и стали танцевать вокруг сестры.

– Может, он потанцует с тобой, подарит цветы в волосы, – ухмыльнулась Сорча. – И поцелует тебя в укромном уголке. Пока мама не видит.

Лицо Меган пылало, но она вскинула подбородок, сжала губы и стала разглядывать старую башню как самую занимательную в мире вещь.

Кэролайн последовала ее примеру. Полуразваленное каменное строение сияло в солнечном свете. Казалось, стены скрепляют только вьющиеся потоки плюща. Ветер пел в пустых окнах.

– Вы верите в привидения, мисс? – спросила Меган, игнорируя поддразнивания сестер. – Говорят, они живут в этой башне.

– Там живут только барсуки и сороки, – отмахнулась Сорча, но плющ манил, колыхался на ветру, и облако закрыло солнце, отчего тень башни протянулась к ним. Улыбка Сорчи поблекла. Кэролайн тоже вздрогнула. Было ли это ее воображением, или она видела лицо в окне наверху?

Руки покрылись мурашками, и у нее возникло странное ощущение, что кто-то за ней наблюдает. Но облако пролетело, и ощущение постепенно улетучилось.

– Конечно, не верю, – ответила она.

– Возможно, это совсем не призрак. Говорят, если найдешь семечко папоротника в канун Иванова дня, можешь стать невидимым, – сообщила Алана. – А вдруг где-то тут бродит невидимка, парень или девушка, которые нашли семечко, а теперь жалеют об этом, потому что их никто не замечает.

Ах, как это романтично!

Она вздохнула, и старая башня, казалось, вздохнула вместе с ней. Кэролайн подумала об Уильяме, уже женатом на ее кузине Лотти, и вспомнила, как надеялась, что он заметит ее. Но он не заметил.

Кэролайн увидела то же мечтательное, грустное выражение на лице Меган.

– Что входит в любовный амулет старой Мойры? – спросила она.

– Ничего, кроме роз и лаванды, – быстро заверила Меган.

– И плюща, и омелы, и зверобоя, – добавила Сорча. – Мойра дала нам список того, что нужно собрать.

– Нам еще нужен вереск. Он защищает скот от болезней, – вспомнила Алана. – По крайней мере, так говорят.

– Броуди говорит, – пояснила Меган, садясь рядом с Кэролайн. – Мисс Форестер, как английские девушки узнают, что встретили истинную любовь?

Сорча фыркнула. Старшая сестра уничтожающе взглянула на нее.

– Леди не издают таких звуков, Сорча Макнаб!

Сорча вызывающе подбоченилась:

– Я пока еще не леди! И надеюсь, никогда не стану взрослой, если это означает вздыхать по парню, который тебя не любит! Все знают, что он без ума от Энни из деревни, а еще от Кэт и Нэн. Ты слышать ничего не хочешь, но если ма настоит на своем, не важно, что бы там ни наколдовала Мойра, мы с Аланой выйдем за настоящих английских лордов и навсегда покинем Шотландию!

Кэролайн заметила, что все три девушки потрясены такой возможностью. Ветер выл в башне, словно сочувствуя им.

– Уверена, до этого еще далеко. Вы пока не выходили в свет, и кроме того, я сомневаюсь, что здесь можно найти английского лорда.

По крайней мере, она на это надеялась.

Кэролайн некоторое время изучала свои руки.

– В Англии девушки в канун Иванова дня смотрят на огонь и надеются увидеть там лицо своей истинной любви. Возможно, вы увидите в огне герцога или графа. А потом встретите его и влюбитесь, даже если он англичанин.

Сорча скептически наморщила нос.

Меган мечтательно вздохнула.

Алана вскочила.

– Смотрите! – воскликнула она, показывая на горную долину. Люди с корзинами, весело смеясь, поднимались в гору. – Все вышли собирать цветы к Иванову дню. Вон там Броуди.

Меган выпрямилась и широко раскрыла глаза при виде любимого.

Сорча сжала руку Кэролайн:

– Можно мы пойдём с ними, мисс?

Как могла Кэролайн отказать? Стоит лето, воздух пьянит, как вино, а впереди ждет праздник!

– Мать будет ожидать вас к чаю, – напомнила Кэролайн. Предстоит еще один урок – как разливать и пить настоящий английский чай, как вести себя за столом, как заводить разговор, и все это под недоверчивым, критическим взглядом графини Дивайн.

– Но у нас есть еще несколько часов! – взмолилась Алана, с надеждой глядя на нее. Сердце Кэролайн дрогнуло.

– Так и быть. Но держитесь вместе.

Пока они в такой большой компании, ничего дурного не случится.

Меган подобрала юбку муслинового платья и заправила подол за ленту на талии, совсем как деревенские девушки, обнажавшие щиколотки. Сняла туфли и чулки и пошевелила пальцами ног. У потрясенной Кэролайн не хватило времени запротестовать, поскольку сестры сделали то же самое. Меган выглядела счастливой девушкой с гор и вовсе не походила на молодую даму, изучающую правила и законы лондонского брачного рынка.

Прикусив губу, она посмотрела в сторону красавчика Броуди, окруженного обожательницами, и сбегала вниз с холма, чтобы встретить его.

Кэролайн сложила сброшенные чулки и туфли в аккуратную горку и стала наблюдать, как ее воспитанницы бегут вниз. Сельские девушки. Не леди. Она отметила, что ее не пригласили пойти с ними. Она всего лишь служанка, и они, возможно, считают ее чересчур старой и чересчур чопорной англичанкой, чтобы наслаждаться занятиями вроде сбора цветов и флирта. Ветерок донес до нее счастливый смех. Кэролайн закрыла лежавшую на коленях книгу и откинулась на прохладную траву.

Она снова посмотрела на башню, желтую, как свежий сыр, на фоне голубого неба. Должно быть, сверху открывается замечательный вид.

Со склона холма снова донесся смех, и Кэролайн приподнялась на локте, чтобы посмотреть на трех сестер, окончательно забывших о ней.

Кэролайн подавила разочарование. Она уже взрослая женщина, гувернантка, не девочка, которая ищет цветы для любовного амулета. Вряд ли ей суждено найти свою истинную любовь...

Башня застонала на ветру.

Кэролайн подняла глаза на пустые окна. Нет, это игра воображения. Ни один призрак не поселится в этих полуразрушенных стенах.

– Эй! – крикнула она, чтобы увериться окончательно, но единственным ответом был смешок ветра.

Она встала и, приставив руку ко лбу, стала изучать башню. Изнутри слышался слабый звук, что-то вроде тихого крика. Или стоны.

Кэролайн обошла башню и увидела открытую дверь. Поколебалась, глядя в полумрак: черная пещера входа зловеще зияла.

Крик раздался снова: на этот раз громче. Возможно, животное или ребенок – их в деревне десятки! Что, если кто-то заблудился и сидит там, испуганный и одинокий, а может, и раненый?

Она открыла дверь шире.

– Эй!

Древние петли предостерегающе скрипнули, но крик раздался снова.

Кэролайн заткнула юбки за пояс, подражая местным девушкам, и глубоко вздохнула.

– Иду! – крикнула она и услышала эхо собственного голоса.

Глава 10

Замок Гленлорн выглядел точно так же, как восемь лет назад, когда Алек его покинул. Словно в шотландских горах время остановилось. Новый замок ждал его в начале длинной аллеи, граничившей с озером, окруженной холмами и небом. По мере того, как нанятая им на постоялом дворе тележка подъезжала ближе, Алек ощутил прилив гордости. Желания того, чтобы все было, как в давнем прошлом.

Он вспомнил, как стоял на утесе над озером вместе с дедушкой, вдыхая запах вереска и горящего торфа и слушая истории о том, как было до битвы при Каллодене и прихода англичан. До того, как клан Макнабов потерял все самое дорогое – свою гордость и надежду. Все ушло вместе с семерыми братьями Ангуса, убитыми при Каллодене или казненными во времена жестоких гонений, последовавших за последней битвой принца Карла, пока не остался только один сын. Ангус Макнаб. Он был в море, а когда вернулся, нашел горстку оборванных, обездоленных Макнабов, ожидавших своего лэрда, который должен все исправить, повернуть время вспять и возратить им все, что они потеряли, если один человек способен на такой подвиг!

Алек вспомнил боль в глазах Ангуса, когда тот говорил о тех днях. Он заставил Алека пообещать, что когда-нибудь, когда он станет лэрдом, Гленлорн восстанет из руин. Снова станет домом. Хорошо, что дед не видит внука сейчас. Такого разочарования он бы не выдержал.

При этой мысли Алека стали терзать угрызения совести. Он не был вождем. Не был волшебником. Он был вором и даже в этом ремесле потерпел неудачу. Он не удивится, если члены его клана навсегда сбегут из Гленлорна!

Алек посетил маленькое кладбище на краю деревни. Покосившиеся камни торчали из травы, как гнилые зубы. Рядом стояла крошечная церковь. Здесь похоронен дед, а теперь и отец. Будет ли и Алек лежать здесь?

По небу плыло облако, бросившее тень на церковь. Зато на желтых и серых камнях замка сияло солнце, освещая его. Словно заливая сиянием.

Тележка остановилась у двери.

– Приехали, лэрд, – сказал кучер, спрыгнув, чтобы снять багаж. – И могу сказать, что это здорово – снова увидеть вас дома!

Он расплылся в улыбке, словно Алек был спасителем всего клана. Тот кивнул и дал ему монету. Он продал свою жалкую мебель, книги и взял в долг у Уэстлейка, чтобы денег хватило на поездку и покупку кое-каких безделушек для сестер. Пусть знают, что брат о них не забыл, отправляясь домой.

Домой? Был ли он дома? По крайней мере сейчас – да. Но он не останется. Не сможет.

Алек повторил клятву продать все, попытался взглянуть на это место глазами покупателя. Провел кончиками пальцев по резьбе на двери: волчья голова. Нижняя челюсть отстрелена во время гонений после Каллодена. И гордое создание казалось простой дворняжкой.

– Еще один грех, за который должны ответить англичане, – ворчал дед каждый раз, когда проходил мимо резьбы.

Алек смотрел в глаза раненого животного. Прежде чем продавать замок, нужен хороший ремонт.

– Алек! Парень!

Он повернулся и увидел старую Мойру, выходящую из-за угла здания, с корзинами, полными цветов и трав.

Служанка была стара еще во времена его раннего детства. Она и сейчас стара, но ничуть не изменилась. Так же не тронута временем, как остальной Гленлорн.

– Это ты, верно?

Она поставила корзины на бедро и протянула руку, чтобы коснуться его щеки. Словно для того, чтобы убедиться, что он не призрак.

– Да, это я, Мойра, – кивнул он, переходя на гэльский.

Она отступила и засмеялась:

– Знала, ты придешь! Она твердила, что ты, должно быть, мертв, но я уверена: почувствовала бы, случись что-нибудь плохое. Замок почувствовал бы. Он ждал тебя. Все эти годы, и вот ты пришел.

Алек ощутил, как глаза наполнились сентиментальными слезами. Мойра была в Гленлорне так долго, сколько он себя помнил. Она была в Гленлорне кухаркой, экономкой, целительницей и повитухой. Знала легенды клана и старые истории так же хорошо, как дед Алека. Она также служила нянькой Алека, когда его мать умерла. Задолго до того, как отец женился на Деворгилле. Та сделала ошибку, попытавшись отослать Мойру прочь, утверждая, что она ведьма. Мойру выручило знание трав и заговоров. Она спасла жизнь Деворгилле во время тяжелых родов, когда на свет появилась Мораг. И хотя женщины никогда об этом не говорили, между ними возникло натянутое перемирие и Мойра осталась. Но отказалась произносить имя Деворгиллы или называть ее графиней, а та обращалась к Мойре «кухарка».

Алек раскинул руки, но Мойра покачала головой.

– Отойди, парень. У меня тут травы к Иванову дню, и я не посмею позволить им коснуться земли.

Он и забыл: амулеты, заговоры и суеверия.

– Отдай мне, – велел Алек, собираясь взять корзины. Но Мойра держалась за них с силой, о наличии которой он и не подозревал в этих хрупких костях.

– Не глупи! Ты лэрд! Тебе не пристало выполнять женскую работу! – воскликнула она, показывая на входную дверь.

– Тебе полагается войти через парадную дверь. А я войду с черного хода. И принесу выпить глоточек, чтобы приветствовать тебя дома.

Мойра поспешила за угол, а Алек поднялся по ступенькам и стал рассматривать массивную дубовую дверь, искалеченную битвами и временем. Коснулся глубоких царапин, оставленных прикладами английских ружей, и отдернул руку. Сейчас не время для сантиментов. Дверь нуждается в покраске, чтобы не отпугнуть будущих покупателей, прежде чем они войдут в замок.

Алек с глубоким вздохом открыл дверь, гадая, что найдет за ней. Он стоял на широкой ступеньке, ведущей в парадный зал замка. Здесь было прохладно после июньской жары.

Он оглядел знакомое помещение. Это был зал лэрда – влиятельного человека, заслужившего милость короля Шотландии, ставшего его доверенным лицом и другом.

Алек посмотрел на возвышение в конце зала, где, по словам деда, когда-то стоял массивный стул лэрда. Алек никогда его не видел. Его сломали английские солдаты, когда растапливали два огромных очага, предназначенных, чтобы согреть зал в холодные зимние ночи. Там теперь стоял простой стул, ожидавший славного возвращения Макнабов.

Стены были голыми, если не считать разбитого каменного герба клана над стулом. Дед рассказывал истории о тех днях, когда здесь висели шпалеры, оружие и щиты, но эти дни давно миновали. А когда уйдут старики, вроде Мойры, вместе с ними исчезнут и воспоминания. Щит «Тарг оф Малколм», знамя, которое благословила святая Маргарита, кинжал и клеймор Алека Макнаба, лэрда, построившего новую башню для своей невесты, хрупкого создания, которая не могла вынести ледяных ветров, свистевших в старой башне.

Он подошел к окну, открыл ставни и окинул взглядом старую башню, все еще стоявшую, как часовой.

– Вот и ты! – услышал он голос Мойры и повернулся. Она несла поднос, накрытый пледом, с полной до краев чашей.

– Это чаша лэрда! – гордо объявила она. – Выточена из рога большого горного козла, пытавшегося убить первого Алека Макнаба, и отделана серебром, подаренным более бедными и слабыми кланами, которые на коленях молили о разрешении принять наше имя и присоединиться к великому Макнабу.

Алек смотрел в глубину виски, наполнявшего чашу. Похоже, виски – единственный продукт, в котором здесь нет недостатка.

– Пей! – велела Мойра. – Это из бочонка, что спрятал глубоко в пещере твой прапрадед на самый торжественный случай.

Правда ли это?

– Может, он заколдован? – поддел он, поднося чашу к губам.

Прежде чем ответить, Мойра дождалась, пока он выпьет.

– Разве что слегка, и, конечно, это был заговор на удачу, счастливое будущее и сильных, здоровых наследников. Вряд ли нам теперь понадобится колдовство, когда ты здесь. Клану Макнабов нужен вождь, и тогда все будет хорошо.

Шестьдесят тысяч фунтов наверняка помогут все исправить. У Алека язык чесался рассказать о своей невесте Софи, будущей матери этих сильных и здоровых наследников, но он молчал. Что, если он не женится на Софи? Что, если продаст Гленлорн? Его сыновья, если они будут, никогда не увидят этих земель?

Он пил виски, наслаждаясь дымным привкусом. Мойра – еще одна душа, которую он не хотел разочаровывать. Он чувствовал себя так, словно дед хмурится, сидя на стуле вождя клана.

Алек даже оглянулся, желая убедиться, что там никого нет.

– Где девушки? – спросил он.

– Сегодня Иванов день! – ухмыльнулась Мойра. – Они на холмах, собирают все необходимое для праздника.

Она поджала губы, и лицо покрылось глубокими морщинами.

– По крайней мере, я на это надеюсь. Я больше не их няня. Она наняла новую гувернантку, и...

– Разве у тебя нет работы на кухне?

Повернувшись, Алек увидел Деворгиллу, стоявшую у подножия лестницы. Она не изменилась. По-прежнему прекрасна и одета в элегантное английское платье. Темные глаза окинули Алека, чашу и Мойру. Наконец Деворгилла вошла в зал, в котором, казалось, сразу стало холоднее.

– Иди! – велела она Мойре и побагровела, когда старуха глянула на Алека, ожидая подтверждения. Тот кивнул, и Мойра вышла.

– Здравствуй, Деворгилла, – поздоровался он.

– Ты не сообщил о своем приезде, – бросила она вместо приветствия.

– Я не призрак, если ты этого боишься, – ответил Алек. Она склонила голову и улыбнулась.

– Нет, вижу, что ты жив и здоров, хотя я ожидала, что загорись, как бродячий торговец, после всех лет на солнце в южных странах. А ты бледен, как англичанин. Как прошло твоё путешествие домой? Сколько времени заняло? – издевательски допрашивала Деворгилла. Что-то в ее глазах подсказывало ему, что она знала: все это время он был в Лондоне.

Алек ответил чарующей улыбкой.

– А ты прекрасно выглядишь. Ни днем старше, чем во время нашей последней встречи. Мойра хорошо знает, какими зельями пользоваться.

Он поднялся по ступенькам к стулу лэрда и сел, все еще держа чашу с виски.

Она молча наблюдала за ним:

– Я приму это за комплимент. Скажи, ты привез подарки? Возможно, деньги? Как видишь, мы нуждаемся в деньгах.

Деворгилла обвела комнату тонкими руками.

Горло Алека перехватило.

– У меня подарки для девушек. Что же до денег... мне нужно увидеть домовые книги.

– Там нечего смотреть. Мы живем скромно.

– Тем не менее, – настаивал он, хотя не знал, что еще сказать, и чувствовал себя неуверенно как мальчишка.

– Уверяю, там все в порядке.

– Я снова дома, живой и здоровый, и сам буду управлять своими поместьями. Спасибо за то, что делала это последние несколько месяцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.